

Античное поселение «Приморский бульвар». Итоги исследований и проблема хронологии

Памяти Э.И. Диаманта

Остатки некогда существовавших античных поселений на побережье Одесского залива стали известны еще с начала XIX в., сразу же после начала строительства города. Сбор информации о них совпадает с организацией и деятельностью Археологического музея в Одессе и возросшего интереса просвещенной общественности города к античным древностям (Охотников 2010: 133, 135; Редина 2013: 571–572). Интерес к памятникам Одесского залива был связан и с попыткой их локализации с упомянутыми в древнегреческой литературной традиции античными пунктами. Но без подтверждения эпиграфическими источниками этот вопрос остается спорным и до настоящего времени (Аркас 1853: 144–150; Беккер 1853: 151–209; Брун 1865: 72–97; Пападимитриу 1911: 398–395; Диамант 1976: 204–212; Агбунов 1992; Добролюбовский, Красножон 1998: 172–178; Редина 2006: 182–187; Добролюбовский 2012: 59–65).

К сожалению, большинство из античных поселений ввиду расположения их в черте современного города не сохранилось. Но к трем наиболее крупным – Жевахова гора, Лузановка и Приморский бульвар – судьба оказалась более благосклонной.

Представляя итоги исследования одного из них – поселения на Приморском бульваре, мы постарались дать объективную оценку доступного нам материала и ввести в научный оборот результаты раскопок поселения в 2008 г. Благодаря возможности использовать материал раскопок А.О. Добролюбовского, проанализирован в целом керамический комплекс памятника.* Это позволяет решить многие спорные вопросы, касающиеся временных рамок жизни поселения.

История изучения «Приморского бульвара» началась задолго до начала археологических исследований. Археологический комплекс (поселение и некрополь), получивший свое название по месту первых находок, расположен в центральной, исторической части г. Одессы под современным Приморским бульваром, на верхней террасе коренного морского берега, в юго-западной части Одесского залива, на высоте около 40 м над современным уровнем моря. Протяженность поселения вдоль берега моря около 500 м, при ширине сохранившейся части около 50–60 м (без учета территории попавшей под городские застройки, информация о которой для нас утеряна, и разрушенной береговой части). С востока памятник ограничен крутым обрывом к морю и был подвержен значительным изменениям в результате оползней, разрушений, подсыпки склонов и строительных работ. С юго-запада и северо-востока – глубокими природными балками (ул. Гаванная и Военный спуск, Польский и Деволановский спуски), которые имели в древности выход к морю и являлись стратегически важной преградой, защищавшей поселение с двух сторон (Диамант 1976: 205). Западная часть, на расстоянии 300 м от берегового обрыва (современная Театраль-

* Выражаем благодарность А.О. Добролюбовскому за использование материалов его раскопок, переданных на хранение в ОАМ НАНУ.

ная площадь), повышается и переходит в ровное плато. С этой стороны находился принадлежавший поселению некрополь.

С места расположения древнего поселения на Приморском бульваре хорошо просматриваются два других, хронологически близких поселения в северо-восточной части Одесского залива – Жевахова Гора и Лузановка (Редина 2013: 571–582).

Открытие памятника принадлежит И.П. Бларамбергу и И.А. Стемпковскому. В 1813 г. И.П. Бларамберг сообщает о значительном количестве фрагментов керамики, обнаруженных при сооружении дома графа Сен-При. Находки античных материалов на территории поселения, а особенно с его некрополя, становятся достаточно частыми с 1823 года, в связи с активным строительством домов на Приморском бульваре (Blaramberg 1827: 49–50; 53–54; Стемпковский 1926: кн. 73: 192–228, кн. 74: 334–335; Стемпковский 1827: 128; Тункина 2002: 131; Охотников 2010: 27).

Значительная роль в сборе и определении найденных античных археологических объектов принадлежит И.А. Стемпковскому, одному из самых ярких и способных русских археологов первой трети XIX в. (Тункина 2002: 130). «Вот и Одесса наша делается классической землею, на днях открыли здесь кости человеческие и вместе с ними прекрасную этрусскую вазу с фигурами, которую к сожалению разбили, но я собрал черепки и склею их. Это доказывает что г-н Бларамберг прав в предположении своем о существовании древнего греческого поселения тут, где ныне Одесса», – из письма И.А. Стемпковского П.И. Кёппену 18/30 апреля 1823 г. (ПФА РАН ф. 30, оп. 3, д. 282, л. 3 об.) (Тункина 2002: 131). И.А. Стемпковский, помимо находок античной керамики, которыми была усеяна часть пространства, ныне занимаемая бульваром, упоминает и об остатках строений: «Близ статуи герцога Ришелье найдены основания зданий и две греческие амфоры с костями» (Отечественные записки, ч. 26, 82); «На пространстве от памятника Ришелье до Карантинной балки вдоль бульвара я заметил следы фундаментов из твердого камня, какового в окрестностях Одессы не встречается, но здания, к коим принадлежали эти фундаменты, возможно, были турецкими. Ведь здесь стояла крепость Хаджибей» (Стемпковский 1826: 2). На мысль о том, что у него под ногами остатки не античных, а турецких кладок, И.А. Стемпковского могли натолкнуть визуально фиксируемые остатки их фундаментов и встречаемый поверх них материал турецкого времени. И только спустя почти два столетия, исследования по уточнению расположения крепости Хаджибей показали, что в юго-западной части бульвара капитальных построек турецкого времени не было (см. библиографию у Добролюбовского 2002: 147–157; Добролюбовский 2012: вклейка после с. 168). А раскопками 2008 г. отмечены выходы античных кладок практически на поверхность, при этом в верхнем слое заполнения над кладкой № 1 (Раскоп I) обнаружена турецкая трубка, фрагменты керамики и прожог от кострища турецкого времени.

Целенаправленные археологические исследования памятника ввиду его расположения под современными застройками не проводились вплоть до 1976 г., когда сотрудником ОАМ НАНУ Э.И. Диамантом, в связи с прокладкой коммуникаций в районе Приморского бульвара, были предприняты первые охранные исследования. Траншея длиной более 250 м, заложенная в результате указанных работ по верхнему плато Приморского бульвара (глубина до 3 м, ширина 1,5 м), подтвердила наличие античного культурного слоя (Диамант 1976: 104–212). Шурф (длина 5, ширина 1 м) на стыке современной гостиницы «Лондонская» и соседнего дома, заложенный в 20 м от обрыва верхней террасы морского берега, показал насыщенный керамикой

античный слой. Стратиграфическая картина на исследованной площади была следующей: до 1,4 м от современной дневной поверхности залегал слой с материалами второй половины XIX – начала XX столетий. На глубине от 1,4 м до 2 м находился слой суглинка с редкими находками второй половины XVIII – начала XIX столетия. Слой жизни античного поселения фиксировался серым, подзолистым грунтом на глубине от двух до трёх метров от современной дневной поверхности.

Полученный в результате работ материал состоял из различных категорий керамики с преобладанием обломков амфор, основная часть которых принадлежала производству Гераклеи Понтийской рубежа V–IV – первой половины IV в. до н.э. Второе место по числу находок занимала лепная посуда, среди которой выделялись фрагменты стенок больших толстостенных горшков хорошего обжига с аккуратной заглаженной и нередко лощеной поверхностью серого цвета.

Дополнительные сведения об античном поселении были получены в ходе очередных строительных работ около гостиницы «Лондонская» в середине 80-х гг. XX ст. Наблюдение за проведенными работами осуществлял ОАМ НАНУ. В ходе археологического контроля на аллее Приморского бульвара был открыт угол каменного здания античного периода, но этим работы и ограничились.

В 1995 г. А.О. Добролюбский, в поисках далекого предшественника Одессы, закладывает первый раскоп в сквере, напротив Оперного театра. По информации исследователя, на глубине 4 м попадались фрагменты античной чернолаковой керамики в слое XIX–XX ст. Второй этап его раскопок последовал в 1996 году, когда в верхней части берегового склона в районе Воронцовского дворца закладываются два шурфа. В шурфе II, длиной 2,5 м, по мнению авторов раскопок, зафиксирован слой позднеархаического времени, достигающий мощности от 1 до 1,5–2 м, с материалом середины VI – начала V в. до н.э. Работы на этом участке продолжались еще два года. Новый раскоп открывается А.О. Добролюбским в 2004 году и снова в районе Воронцовского дворца (между дворцом и началом бульвара). В раскопе фиксируется перетолженный античный слой и практически полностью срезанные постройками нового времени нижние уровни античных ям с материалами VI–V вв. до н.э. (Добролюбский, Губарь, Красножон 2002: 94–121; Добролюбский 2004: 61).

В 2005 году внизу, под Приморским бульваром (Лунный сквер) и в районе Воронцовского дворца, проводятся охранно-поисковые работы отделом археологии Северо-Западного Причерноморья ИА НАНУ под руководством Т.Л. Самойловой. Только в одном нижнем шурфе, ближайшем к расположенному наверху Воронцовскому дворцу, на глубине более 3 м (уровень морского берега), в слое песка найден фрагмент днища чернолакового килика на ножке начала V в. до н.э. Остальные шурфы в нижней части парка античный материал не имели. Хотя именно здесь, в 1937 г., при раскопках турецких водоемов была найдена древнегреческая амфора с остатками костей («Известия» 08.08.1937). Возможно, она попала вниз с верхней части бульвара в результате оползней. Что касается двух шурфов вблизи Воронцовского дворца, то в них также античный материал не обнаружен. Сравнивая результаты работ А.О. Добролюбского 1996–1998 гг. с фиксацией им позднеархаического слоя, отсутствие античных материалов в шурфах 2005 г. можно объяснить значительными планировочными работами на месте их закладки как во времена турецкого Хаджибея, когда здесь располагалась крепость, так и работами при строительстве самого Воронцовского дворца.

В 2008 г. в рамках реконструкции Приморского бульвара появилась возможность проведения охранно-поисковых работ на его пешеходной и проезжей части. К сожалению, график строительных работ и проблемы с охранными зонами (памятник не имеет утвержденных границ) ограничивали сроки и территорию исследований. Главная проблема заключалась в том, что в рамках проведения реконструкции все работы были направлены на укладку нового верхнего дорожного покрытия, а замена коммуникаций проходила по старым линиям. Несмотря на это, было получено разрешение на поисковые шурфы в разных частях бульвара, что давало возможность получить информацию о наличии культурного слоя на различных участках памятника. Шурфы № 1–2 были заложены на проезжей части бульвара, в 50 м от углового дома (Приморский Бульвар – переулок Театральный). В них исследования ограничились расчисткой водовода XIX в. Шурф № 4 позволил частично исследовать две античные ямы, к сожалению, уходящие под городские коммуникации и фундамент дома. Перспективным оказался шурф № 3, который первоначально имел вид траншеи длиной 9 м при ширине 1,4 м (его расположение было привязано к клумбе). Впоследствии шурф был расширен до площади 36 кв.м. По договору с заказчиком шурфы 5–6 вошли в территорию расширения шурфа 3 и получили название раскоп I (рис. 1). Под археологическое наблюдение были взяты коммуникационные линии к домам бульвара, где строителями сооружались новые и прочищались старые вводные колодцы.

Шурф № 4 располагался на углу дома Приморский бульвар № 1. Длина шурфа 2,3 м, ширина 1,6 м, глубина 2,2 м от современной дневной поверхности. Стратиграфия заполнения шурфа: дорожное покрытие, кирпичи, современная подсыпка песка с ракушкой мощностью 0,7 м, ниже – коричневый суглинок 0,5 м и слой желтой глины 0,5 м, переходящей в материк (опущено на 0,5 м). Материк: желто-серо-зеленоватая глина, с включением железистых отложений и крошки «белозерки». В шурфе обнаружены две ямы, частично срезанные на всю глубину при сооружении котлована под коммуникации. Культурный слой вокруг ям уничтожен. Расширение в сторону ям для их полного изучения было технически невозможно (рис. 5, 1; 8, 3).

Яма № 1 зафиксирована на глубине 0,4 м от уровня коричневого суглинка, в юго-западной стенке шурфа. Форма ямы в разрезе колоколовидная. Северо-восточная часть срезана. Яма выбрана сбоку на высоту 1 м и в глубину 0,3 м, так как уходила под фундамент дома. Заполнение ямы в верхней ее части, в целях безопасности работы, не выбиралось. Глубина ямы приблизительно 1,1 м; по дну достигала ширины 1,6 м, имела сужение к горловине до 0,7 м. Нижний уровень устья доходит до границы суглинка и материка. Стенки четко фиксировались. Заполнение слоистое. Основной слой – черный, плотный, слежавшийся, с примесями органики, с тонкими темными и светлыми золистыми прослойками и прослойками глины. Встречались куски сырцовых кирпичей, различные по размерам камни ракушечника. В верхней части камни составляли массив (обкладка устья или заклад). В золистом слое отмечены находки створок мидий со следами огня. В центральной части ямы грунт уплотненный, встречаются прожоги с включением фрагментов обмазки и небольших камней. На глубине 0,9 м от устья ямы, под уплотненным грунтом, зафиксирована небольшая каменная плита из ракушечника размерами 0,35 × 0,4 м. При снятии плиты, на ее лежавшей вниз стороне, отмечено процарапанное изображение в виде «морского моллюска» (рис. 11, 8). Рядом с плитой найдены несколько фрагментов сероглиняного лощеного сосуда и крупный астрагал. По дну прослеживалась зеле-

новатая глина с включением «белоглазки». Материал представлен стенками амфор, обломками сероглиняного кувшина с лощением, красноглиняной толстостенной тарелки, венчиком, днищами и стенками лепных сосудов, из которых один имеет косые насечки на переходе от горловины к тулову, и миниатюрным обломком черно-фигурного сосуда. Предположительно можно говорить о времени функционирования ямы в позднеархаическое время.

Яма № 2 обнаружена в юго-восточном углу шурфа. Над ней фиксировался перекоп под водопровод, мощность которого достигала 1,6 м. Диаметр ямы по дну – около 1 м, высота в разрезе – 0,8 м. Вероятная глубина 1,2 м. Впущена в материк. Заполнение слоистое, темный суглинок с каменной крошкой и светлыми прослойками глины. Выбрана частично. Материал незначительный: лепное пряслице, несколько стенок амфор, стенки лепного горшка, части костей животных.

Раскоп I (шурфы 3, 5–6) располагался на клумбе центральной аллеи бульвара, напротив служебного входа в гостиницу «Лондонская», вблизи места, где раньше фиксировались кладки построек античного времени. Во время работ 2008 г., внутри двора гостиницы, при замене коммуникаций отмечен культурный слой на глубине 0,5 м от современной поверхности.

Раскоп ориентирован по оси бульвара: СЗ–ЮВ (рис. 2). Стратиграфическая ситуация на раскопе различна. Юго-западная часть, расположенная в зоне зеленых насаждений, разрушена неоднократной посадкой деревьев, в то время как северо-восточная часть, уходящая под дорожное покрытие бульвара, относительно сохранилась.

В северо-западном углу раскопа выявлена часть рва, направленного в сторону моря и предварительно отнесенного ко времени турецкого Хаджибея*. Наполнение рва рыхлое, черного цвета с костями животных и фрагментами битой посуды начала XIX–XX ст. Работы в границах рва были приостановлены, часть первоначального шурфа засыпана. Оставленная для исследования площадь 32 кв.м стала основой для экспозиции музея под открытым небом, накрытой стеклянным сооружением после окончания работ (рис. 10).

На некоторых участках раскопа исследования доведены до материка, но на большей площади, из-за сохранения выявленных объектов для экспонирования, ниже уровня их оснований работы не проводились. Поэтому не все обнаруженные объекты раскопаны. К ним относятся кладки 3–4, более раннего строительного периода, печка, расположенная под развалом кладки «№ 2», а также три ямы (10–12) в разных частях раскопа.

В юго-западной полосе участка поздних напластований турецкого времени не наблюдается. От уровня современной дневной поверхности раскоп был опущен до глубины 1,7 м (рис. 3, 1, 2). Верхний уровень занимает слой чернозема, достигающий до 0,3 м (насыпь клумбы), под которым залегал мощный, до 0,7 м, слой коричневого, переотложенного грунта с включением мелких камней и корней деревьев. Нижний уровень этого слоя – с включениями керамики античного времени. Под переотложенным грунтом прослежена ровная полоса культурного слоя мощностью от 0,3 до 0,5 м. Слой плотный, золистый, светло-серого цвета, с обломками керами-

* Справка. Ров сооружен турками с целью обороны крепости Хаджибей. Глубина рва по геофизическим исследованиям составляет около 6 м. Наполнялся бытовым мусором по мере проседания грунта.

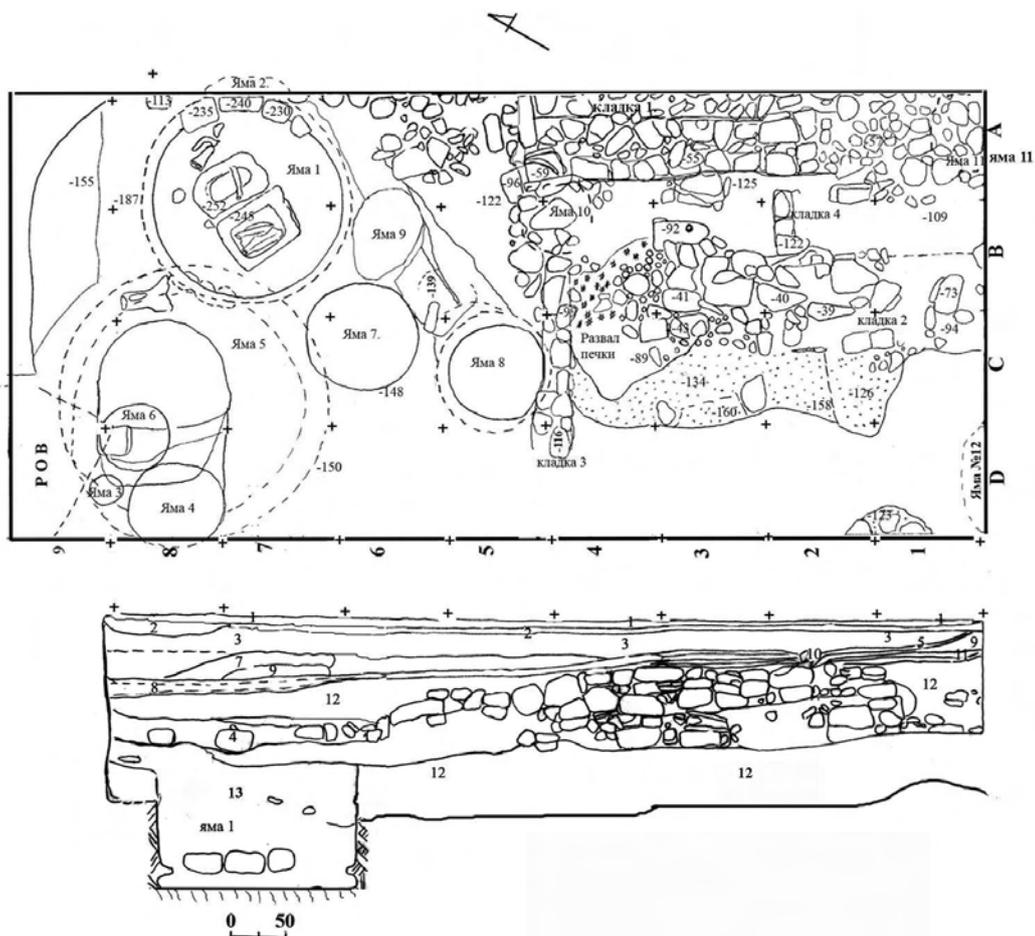

Рис. 2. План и разрез раскопа I.

Условные обозначения: 1 – бетонное покрытие; 2 – асфальт; 3 – щебень; 4 – камни; 5 – переженная глина; 6 – глина; 7 – зола; 8 – крошка из ракушечника; 9 – слой коричневой глины; 10 – кирпичи, современные; 11 – слой темного суглинка с сажой; 12 – культурный слой античного времени; 13 – яма 1; 14 – кладка 1.

ки и мелкими камнями, подрезан на ширину траншеи для высадки деревьев, а попавшие в траншею строительные сооружения выбраны. Слой разрушений и перемещений доходит до глубины 1,0–1,25 м – границы темно-коричневого перемещенного грунта и нетронутого подзолистого культурного слоя (рис. 3, 3). На границе этих слоев прослеживается материал в перемещенном виде. Предматериковый слой (до 0,3 м) фиксирует редкие находки керамики и впущенные в материк объекты, принадлежащие ямам. Материк желтого цвета. Сохранившийся развал кладки № 2 резко обрывается к юго-востоку, из-за перекопов. В центре полосы А5 и А6, на уровне перехода от коричневого переотложенного слоя к серому (1,05–1,2 м от условного репера*), отме-

* За точку отсчета взято дорожное покрытие бульвара.

чено пятно с обломками амфор и стенкой крупного лепного лощеного горшка с налепом в виде стилизованного букrania. В квадрате А8, на этом же уровне, зафиксирован развал гераклейской амфоры.

Северо-восточная часть. Археологические объекты находились под дорогой и необходимости в их выборке не было. Слой дорожного покрытия состоял из бетонного массива мощностью 0,15 м, ниже которого наблюдалась полоса асфальта до 0,1 м и подстилающий его слой гравия, толщиной от 0,2 до 0,35 м. Сразу под дорожным покрытием фиксировалась тонкая полоска темного суглинка (от 0,05–0,1 м) с включением прослоек глины, пережженного грунта, костей животных и единичных обломков керамики турецкого времени. Здесь же найдена турецкая трубка. В юго-восточном углу прожог образовался из-за небольшого кострища, которое находилось прямо на камнях античной кладки 1. По восточному борту раскопа мощность слоя обожженной глины увеличивается к северу, под наклоном слой сползает в сторону турецкого рва. Близкая ситуация наблюдалась и над «кладкой» 2. Из-за расположения кладки в верхнем уровне она сильно потревожена, гравий дорожного покрытия залегал прямо на ней.

Строительные остатки, выявленные в процессе исследований на раскопе I, представлены фрагментами кладок верхнего строительного уровня, которые определенно нельзя соотнести с какими-либо помещениями ввиду небольшой площади раскопа; объектами более раннего строительного периода (не раскопаны), а также хозяйственными и культовыми ямами (рис. 4, 1, 2). Из-за ограничения территории исследования и частично из-за подготовки участка к музеефикации, строительные комплексы полностью открыты не были, поэтому информация ограничена рамками раскопа, а выводы в заключении статьи – лишь предположения.

Кладка № 1 располагалась вдоль восточного борта раскопа, под слоем коричневого с прожогами грунта. Кладка с хорошо сохранившейся цокольной частью, ориентированной по линии ЮВ – СЗ, находилась практически под современным дорожным покрытием. Исследована частично, с зачисткой только западного фасада. Восточный фасад уходит в борт раскопа. Уровень фиксации 0,53–0,57 м от R. Предполагаемая ширина кладки 0,7 м, длина с четко фиксируемыми камнями кладки – 2,5 м. Сохранилась на высоту 0,34–0,5 м. Можно предположить, что развал камней в южном и северном направлении может принадлежать этой кладке, расширяя ее до длины 4–4,5 м. Кладка двухрядная (трехрядная?), постелистая, сооружена из камней рваного ракушечника и песчаника. В некоторых частях в два, реже – в три камня. Внутренняя часть кладки местами имеет забутовку более мелким камнем. Нижний ряд из крупных камней и мелкого бута. Кладка покоилась на довольно мощной подушке культурного слоя предшествовавшего по времени. Подсыпанный грунт ровный, темного цвета, местами состоящий из золистого грунта с прослойками золы и глины, однозначно утрамбованный для возведения кладки. В северо-восточной части кладки мощность подсыпки из серо-коричневого грунта достигает 0,5 м, ниже проступает «материковый» слой. В районе центральной и южной части материк не прослежен. Под слоем подсыпки под кладку (прослежена на глубину 0,3–0,5 м) фиксировались фрагменты керамики, остатки в один слой кладки № 4 и кладки № 3, а также основание каменного «ящика». В юго-восточном углу отмечен значительный развал камней, уходящих вниз. Предположительно в этом месте находится яма № 10 (не исследованная). Несмотря на уплотнение грунта под новую постройку, небольшая просадка грунта в сторону ямы № 1 повлекла за собой подвижку кладки № 1 к

СЗ. Вокруг кладки, на уровне 1 м, фиксировался мощный завал камней различных размеров, это свидетельствует о том, что несохранившаяся стена, возможно, на всю высоту была сооружена из камня. В пространстве кладок 1 и 2 в слое серого грунта в районе кладки № 4 отмечены следы горения и сажи (рис. 9, 1, 2). Кладка принадлежала помещению, уходящему к востоку, в сторону моря. Необходимо отметить, что ниже основания кладки также находятся камни, отмеченные щупом. К северу и югу от основного массива кладки, под линией ее подошвы, прослежены выступающие камни. Разница между основанием кладки № 1 и дном ямы № 1 составляла 1,4 м. Некоторые камни кладки со следами подтески. «Каменный ящик» располагался ниже уровня подошвы кладки № 1 в кв. 3А (рис. 9, 3). Он представлял собой небольшое сооружение из поставленных вертикально плит, перекрытых двумя плоскими камнями, слегка просевшими внутрь. Ширина конструкции 0,7 м, высота 0,3 м, выступает из-под кладки № 1 на 0,35–0,4 м. Сдвинутая плоская плита длиной 0,38 м, шириной 0,28 м, толщиной 0,05 м. Ящик не разбирался. Напротив конструкции располагался крупный, треугольной формы камень с отверстием (возможно, подпятник), относящийся к комплексу печки (рис. 4, 3).

Кладка № «2» отнесена к этой категории строительных остатков предположительно. Она характеризуется мощным каменным развалом, основной массив которого находился поверх переотложенного грунта, под которым фиксировался нетронутый, серый золистый слой. Уровень фиксации 0,35–0,43 м от R. К сожалению, для сохранения объекта в целостности разборка каменного завала была приостановлена. В границах исследованной территории длина кладки могла составлять около 2,6 м, при ширине 0,6 м. Кладка 2 перекрывает более ранние, слабо выраженные кладки № 3 и № 4, идущие параллельно друг к другу. Возможно, что кладки № 3 и № 4 являются стенами помещения раннего периода застройки участка.

Несмотря на разрушения западной части раскопа, на полосе D и частично полосе С, в квадратах 1–4, на глубине -1,23-1,34 м от R, отмечены остатки пола помещения, подходящего к кладке № 3 и к печке. Практически на этом же уровне находится и кладка № 4.

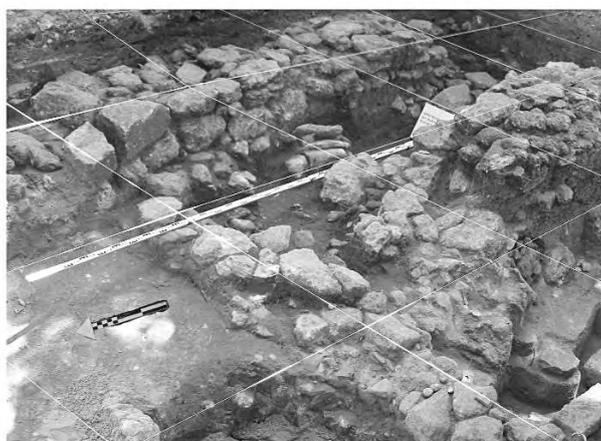
Кладка № 3 сильно разрушена (рис. 4, 1). Исследована только в плане (прокопка вдоль кладки не производилась). Кладка ориентирована по направлению ЮЗ-СВ и сохранилась в один камень на длину 2,25 м, при ширине 0,35 м. Уровень подошвы кладки находился на уровне основания печки, вокруг которой фиксировался пол помещения. Вероятно, эта кладка, как уже отмечалось, принадлежит постройке, которая имела внутри печку. Печка могла функционировать и в более позднее время. В завалах вокруг кладки зафиксированы ф-ты амфор. Кладка 3 перпендикулярна кладке № 1, но ее основание находится ниже основания кладки 3. Часть камней в районе состыковки двух кладок вполне могли быть камнями вымостки либо забутовки в квадрате 4В, на месте неисследованного углубления, возможно, как уже указывалось выше, еще одной ямы № 10, которая могла спровоцировать и разрушение кладки № 3.

Кладка № 4 располагалась в кв. 2В-2А и исследована только в плане. Кладка ориентирована, как и кладка № 3, по направлению ЮЗ-СВ. Ее ширина около 0,3 м, прослеженная длина – 0,65 м. Над кладкой в верхних уровнях фиксировался значительный развал камней. Кладка 4 уходит под кладку 2.

Печка. Ее развал имел место на стыке квадратов СЗ- С4 и ВЗ- В4. Сооружение находилось в сером подзолистом грунте. Печь перекрыта массивом развала «кладки

1

2

3

Рис. 3. Раскоп I. 2008 г.
1 – верхний уровень строительных остатков; 2 – вид на раскоп с СЗ;
3 – часть стратиграфического разреза западного борта.

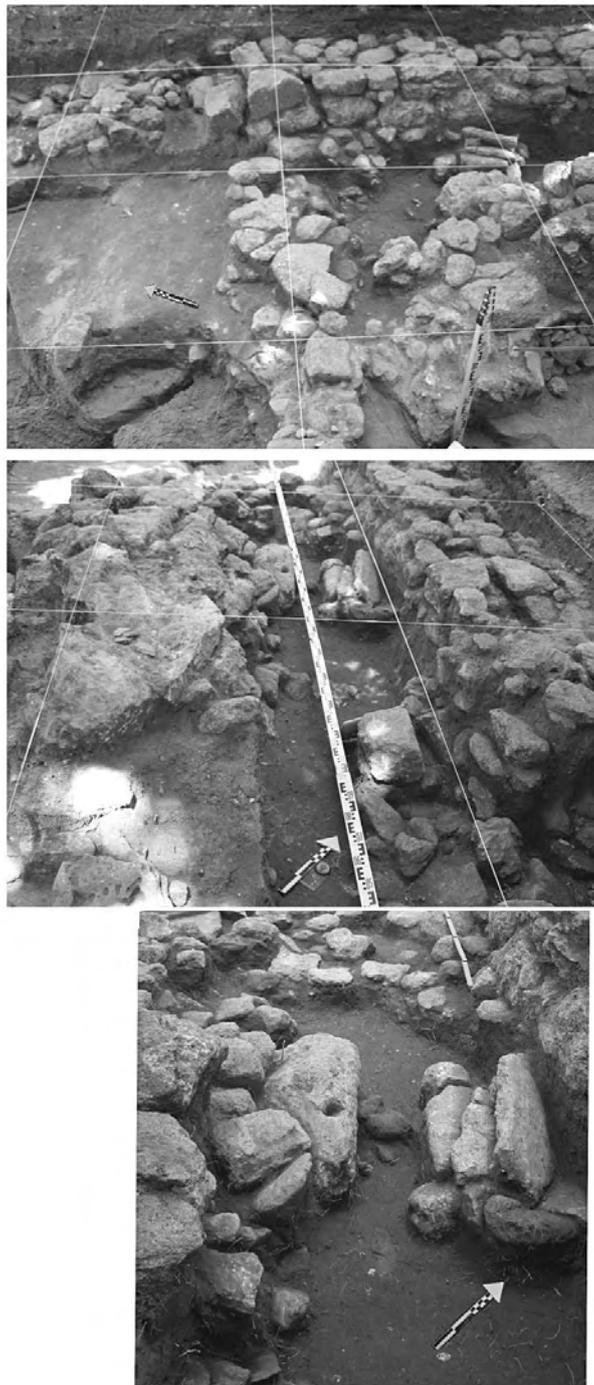

Рис. 4. Раскоп I. 2008 г.

1 – вид на раскоп с запада. На переднем плане остатки кладки 3; 2 – вид на кладки 1–2 с юго-востока; 3 – фрагмент участка между кладками 1–2. Вид с ЮВ.

1

2

3

Рис. 5.

1 – шурф 4: вид с СВ на ямы 1–2; 2–3 – раскоп I: заполнение ямы 5.

1

2

3

Рис. 6. Раскоп I. 2008 г.
1 – культовая яма 5; 2 – яма 5. Зачистка по дну; 3 – яма 8.

№ 2». Камни развала, соприкасающиеся с ней, имеют следы горения. Какая-либо системность в развале не прослеживается. Конструкция печи из-за разрушений установлена условно. Можем предположить, что основание печи находилось в небольшом, обмазанном глиной и обожженном углублении, заполненном морским песком с мелкой ракушкой, поверх которого были уложены плоские камни ракушечника и гальки, скрепленные глиняным раствором (камни со следами горения). Глубина подпечной ямы 0,56 м, диаметр не установлен. Поверху печь фиксировалась вертикально установленными небольшими плоскими плитами. Они отмечены только с юго-западной стороны печи. Разбор печи не проводился, ямка с песком была прослежена в разрезе траншеи, вырытой для посадки деревьев. Вокруг печки отмечено значительное количество костей крупного рогатого животного (коровы), а также птицы.* В целях сохранения развала печи, яма с песком была законсервирована.

Учитывая более низкий, по сравнению с уровнем подошвы кладки 1 уровень пола, на котором находилось основание печи, можно допустить, что печь и ящик, ограниченные кладками 3–4, принадлежали более раннему строительному периоду. Это могла быть хозяйственная постройка, тем более по всей площади фиксировалась сажа, обожженные сырцовые кирпичи, отмеченные как локальными, так и сплошными участками, которые могли входить в какую-то конструкцию, возможно, загородку. Несколько камней на кв. 4В могли принадлежать частично сохранившейся «вымостке».

Ямы, исследованные на участке, прослеживались по серо-золистым пятнам. Глубина их фиксации около 1,1–1,4 м. Большинство из них впущены с уровня культурного слоя. Об этом свидетельствуют развалы керамики и костей над слегка размытыми верхними контурами ям, четкие очертания которых прослеживались несколько ниже.

Яма 1 округлая в плане (1,8 на 1,75 м), цилиндрическая в разрезе (рис. 6, 1, 2). На уровне устья отмечен развал крупных камней. В материк углублена на 1,2 м по северному борту и на 0,75 м – в остальной части ямы (результат позднего вторжения ямы № 2). Стенки отвесные, дно ровное, фиксировалось на отметке -2,9 м от R и -2,55–2,6 м от СДП. Заполнение в верхнем уровне плотное, с примесью камней ракушечника, керамического материала и костей животных, в частности челюсти коровы. В придонной части, по окружности ямы, проходил неширокий козырек, вырезанный в материке, под которым устроен подбой высотой 0,15 м и глубиной 0,18 м, увеличивая диаметр ямы по дну до 1,9 м. На козырьке, по окружности ямы, располагались камни облицовки со следами подтески. Часть камней сползла во внутреннюю часть ямы. Не потревоженными оказались 4 плотно уложенные камня в восточной части комплекса. Уровень их фиксации – 2,35 м; 2,4 м; 2,3 м. Камни с севера на юг: 1 – 36×21×14 см; 2 – 46×14×15 см; 3 – 29×21×16 см; 4 – 21×16×9 см. Под козырьком – темное золистое заполнение с редкими костями животных. На дне ямы, в центре, в рыхлом золистом слое, практически вплотную друг к другу, находились два каменных корытообразных «алтаря» из ракушечника, ориентированные короткими сторонами по линии С–Ю (рис. 7). В заполнении над ними найдены фрагменты амфорных стенок, доньшко скифоса, ф-ты лепных сосудов, венчик стенки красноглиняного сосуда и мелкие кости молодого барашка. Первый алтарь трапециевид-

* Обработка остеологического материала проведена ст. научным сотрудником, к.и.н. Секерской Е.П.

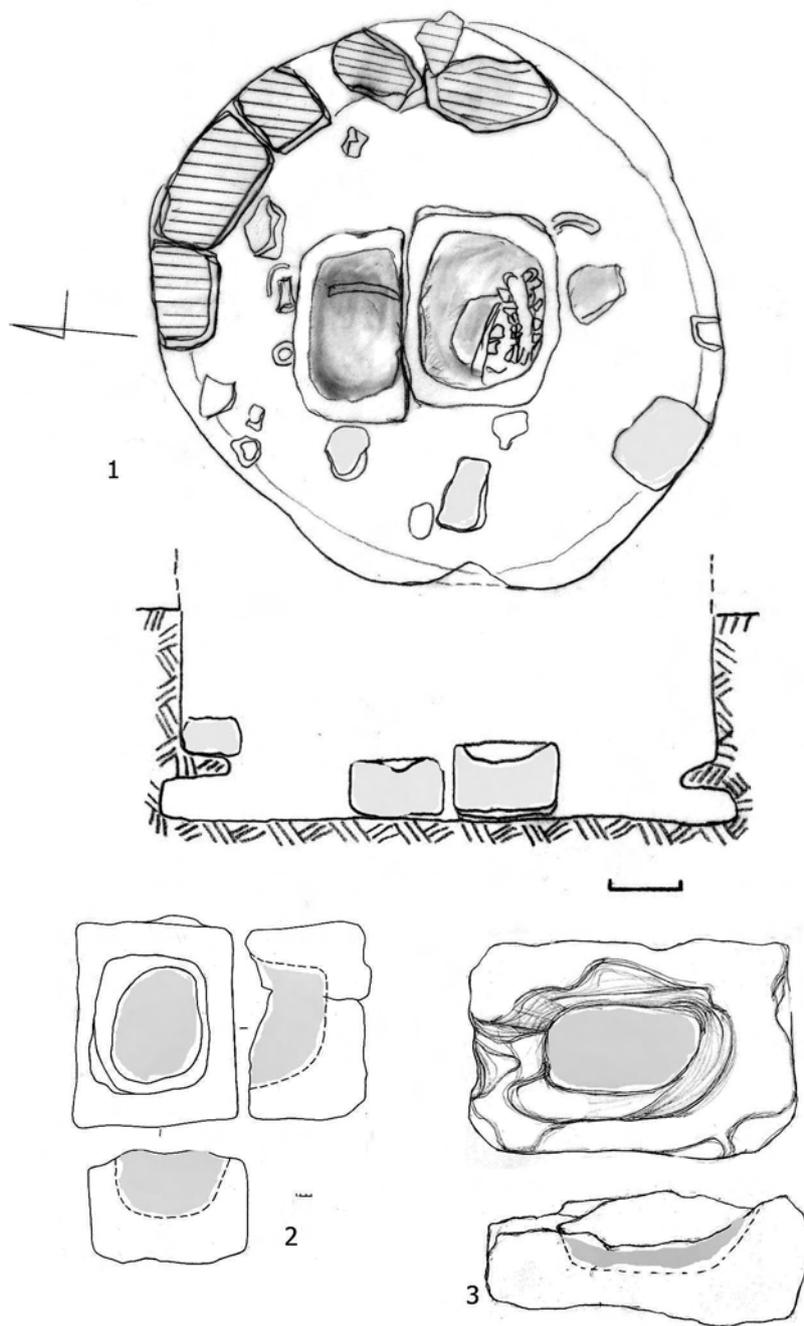

Рис. 7. Раскоп I. 2008 г.
 1 – план и разрез ямы 5; 2–3 – корытообразные алтари.

ной формы, его чаша аккуратно выдолблена, имеет прямоугольную форму, дно плоское. Уровень фиксации – 2,45 м. Его размеры: 0,39 на 0,32 м, высота 0,2 м, толщина стенок 4,5–7 см. Чаша размерами 0,3 м на 0,27 м, глубина 12,5 см. Внутри чаши находилась перевернутая челюсть собаки, мелкие камешки, ручка амфоры, кусочки обожженной глины, угольки, ребро крупного животного и фрагменты стенок амфор. Части черепа собаки находились за пределами алтаря на глубине – 2,48 м.

Второй алтарь выполнен более небрежно. Он располагался ниже первого на 0,07 м. Уровень фиксации -2,52 м. Его размеры: 0,41 на 0,27 м, высота 0,17 м. Углубление овальной формы, размерами 0,25 на 0,16 м, глубиной 0,07–0,1 м. В чаше алтаря находились фрагмент амфорной стенки, ребро крупного рогатого животного и куриная косточка. Под камнями алтаря обнаружена намотка и каменное грузило. Возможно, из-за неровностей нижних частей алтарей они могли играть роль подставок для выравнивания уровня.

К востоку от алтаря № 2 в придонной части найдены фрагменты обмазки, ножка амфоры, к северу – ручка кувшина. В северо-западной части – мелкие камешки гальки и фрагмент чернолакового сосуда. В юго-западной – зафиксированы часть горловины, фрагменты амфоры и крупная кость животного.

При выборке заполнения к западу, на глубине -1,5–1,65 м стенка ямы 1 разрушила стенку более ранней, засыпанной к этому моменту ямы 5. В результате строителями в этом месте была возведена каменная перегородка из мелких и крупных камней.

Материал заполнения ямы весьма разнообразный. Гончарная керамика представлена строительной (черепица) и бытовой (лутерии) керамикой. Среди светлоглиняных и красноглиняных закрытых сосудов присутствуют фрагменты кувшинов, сероглиняных и красноглиняных мисок с невысоким венчиком слегка загнутым внутрь. Некоторые образцы мисок имеют горизонтально расположенные витые ручки. Достаточно редки фрагменты чернолаковых сосудов. В основном это килики 2–3 четверти IV в. до н.э. Лепная керамика представлена горшками скифоидного типа.

Из индивидуальных находок в заполнении найдены каменные пробки, трехлопастной бронзовый наконечник стрелы высотой 2,2 см, свинцовая ворварка усеченно-конической формы, со смещенным от центральной оси отверстием. Высота ворварки 2 см, диаметр основания 2,5 см, диаметр вершины 1,4 см.

Время проведения последней ритуальной церемонии установить трудно. Вероятно, во время ее проведения часть камней облицовки уже отсутствовали, а после завершения культового действия нижнюю часть комплекса присыпали. Датирующим материалом заполнения является массовый амфорный материал, в числе которого присутствуют фрагменты амфор Гераклеи Понтийской, Синопы, Фасоса и других центров. Можно предположить, что клеймо Фасоса с эмблемой «пчела» фиксирует время частичной засыпки ямы в конце IV в. до н.э. (30 гг. до н.э.). В начале III в. до н.э. на этом участке была сооружена новая яма 2, частично перекрывшая описанный выше комплекс. Более поздние материалы первой половины III в. до н.э., встреченные в яме 1, могли принадлежать как яме 1, так и яме 2 (рис. 11, 1, 5).

Яма 2 выделялась по восточному борту темно-серым заполнением. Яма не исследовалась. Ее ширина по борту до 0,8 м.

Яма 3 расположена на границе кв. 8D и 9D, над ямой 5. Уровень фиксации 1,55 м от СДП. Яма небольшая, цилиндрической формы, диаметром 0,6 м, глубиной 0,2 м. Верхняя часть ямы частично разрушена. На дне находился камень

0,25×0,27 м, толщиной 0,1 м, над которым обнаружены фрагменты стенок амфор и ручка с осколком клейма.

Яма 4 находилась в северо-западном углу раскопа. В разрезе по западному борту по остаткам западной части, фиксировалась цилиндрическая горловина с расширенным ко дну вместилищем. Уровень фиксации 0,55 м от СДП. Основная часть верхнего уровня ямы срезана траншеей под клумбу. Исследовалась только ее нижняя часть, в заполнении которой находились хаотично расположенные камни, фрагменты амфорных стенок и ножка амфоры. Ниже камней заполнение золистое, с включением камней, амфорных стенок, морских моллюсков, улиток, костей животных и кусков спрессованной со строительным мусором желтой глины, иногда со следами обжига. Контур дна ямы в плане овальной формы 0,75 на 0,85 м. Исследована на глубину 0,5 м. Дно ямы опущено в слой забутовки ямы № 5. Среди датирующего материала – ручка фасосской амфоры с эмблемой в виде пчелы и несколько фрагментов чернолаковых киликов, по которым можно говорить о прекращении функционирования ямы в конце IV в. до н.э.

Яма № 5 расположена в северо-западной части раскопа (рис. 8, 1). Устье ямы просело, после чего яма была перекрыта материковой подушкой мощностью до 0,3 м и утрамбована. Яма колоколовидной формы, предназначенная для хранения зерна. Имела цилиндрическую горловину высотой 0,5–0,7 м и диаметром около 0,9 м, стенки резко расширялись по бокам на 0,6–0,7 м и плавно опускались ко дну. Глубина ямы 3,35 м от R и 1,7 от уровня фиксации, диаметр по дну 2,5 м. Стены ямы обмазаны глиной. Заполнение золистое, насыщенное органикой и керамическим материалом. В верхнем уровне заполнения, по краям ямы, грунт плотный с кусками обмазки, обожженной печины и крупными стенками амфор. Среди печины встречались куски яркого кирпичного цвета, заглаженные с обеих сторон. С глубины 1,2 м от уровня фиксации, в центральной части, попадалась древесная зола, кусочки угольков, фрагменты керамики. На этом же уровне найдена челюсть свиньи, фрагмент клейма и бронзовый наконечник стрелы. Многочисленное количество прослоек угольков, органики, глины и золы характеризуют нижнюю часть заполнения ямы, которая была перекрыта сырцовыми кирпичами, хотя и сброшенными бессистемно, но создавшими плотную глиняную прослойку. Слой между сырцами также насыщен золистыми прослойками и материалом, среди которого фрагменты амфор, венчик лепного горшка, ручка и часть сероглиняного лощенного кувшина. В южной и юго-западной части отмечены упавшие куски глиняного свода и стен ямы, которые фиксировались прослойкой ярко-желтой глины. На глубине 2,6–2,7 м от R найдены отдельные объекты (размерами 0,1×0,3 м, 0,1×0,1 м, 0,2×0,3 м), наполненные створками мидий. В придонной части грунт более рыхлый, золистый. В северо-восточной части ямы, на глубине -1,35 м (2,85 м от R) находилась горловина гераклеийской амфоры с клеймом с двумя штемпелями и лепная миска с налепными ручками-упорами (рис. 11, 4). В южной части на этом же уровне сохранилась нижняя часть амфоры, а к востоку от нее – лепной горшок. Край ямы по нижнему контуру в СЗ части нарушен вторжением турецкого рва или перекопа начала XX в. с плотным черным заполнением, в котором встречена турецкая трубка. В северо-восточной части ямы на уровне 0,8–0,9 м от дна выступают камни заклада между ямами 1 и 5, выстроенные со стороны ямы 1.

Среди керамического материала количественно преобладают фрагменты амфор, среди которых 6 с клеймами: одно из них имеет магистратское клеймение Аристокла с фабрикантом Сатирионом и относится к 90–80 гг. до н.э. (рис. 12, 7, 7а).

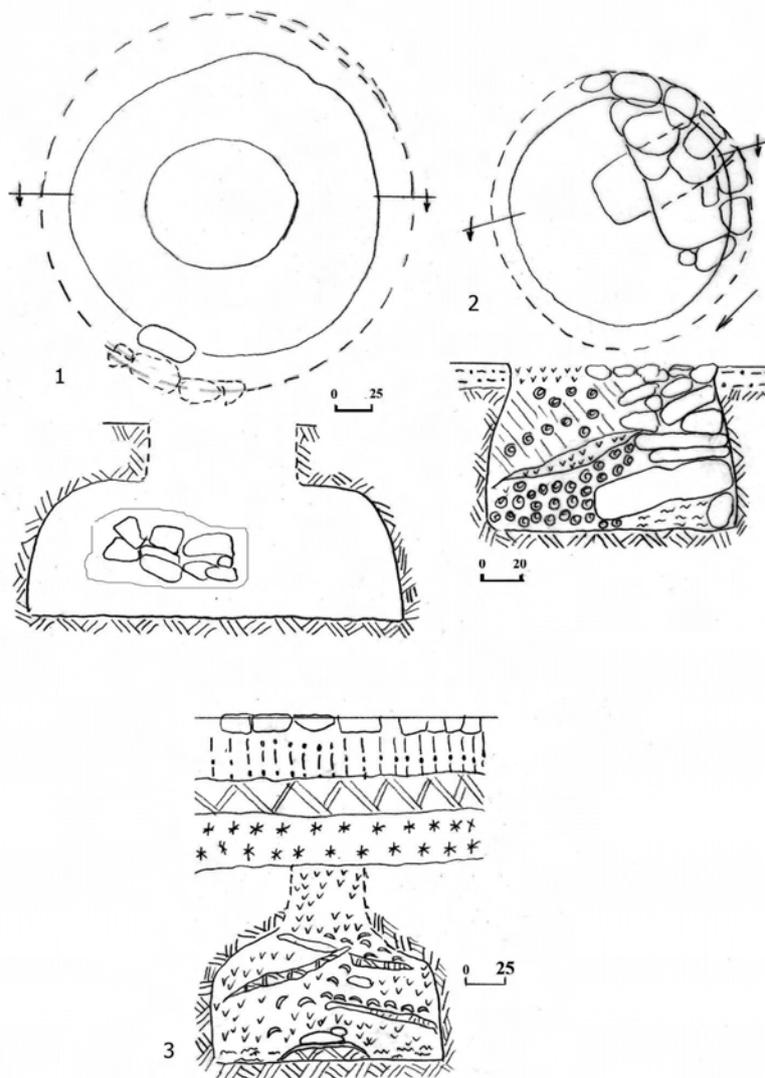

Рис. 8.

1 – план и разрез ямы 5; 2 – план и разрез ямы 8; 3 – план и разрез ямы 1. Шурф 4.

Строительная керамика представлена фрагментами красноглиняной черепицы с бортиком. С верхнего уровня заполнения происходит фрагмент крупного лепного горшка светло-коричневого цвета с прямым венчиком, по краю которого нанесен орнамент в виде косых насечек. Диаметр сосуда около 19 см. К лепным сосудам относится светильник открытого типа с небольшим рожком длиной 8 см и с диаметром вместилища 5 см. С нижнего уровня заполнения происходит лепной кувшин, темно-серого цвета на плоском поддоне с заглаженной и залощенной до блеска поверхностью (диаметр венчика 11 см, диаметр дна 8,3 см, высота 15 см) и лепная

миска с подковообразными наклепными ручками-упорами фракийского типа (рис. 11, 4). Миска на выделенном, слегка вогнутом поддоне, с загнутым внутрь, срезанным краем венчика. Поверхность бугристая, обжиг неравномерный. Диаметр дна 11 см, диаметр венчика 22 см, высота миски 12 см.

Из ямы происходят несколько наконечников стрел. Одна стрела костяная, четырехгранная, высотой 4 см, две бронзовые трехлопастные. Гончарная керамика, помимо посуды с лаковым покрытием, представлена сероглиняной, светлоглиняной и красно-глиняной бытовой (лутерии), кухонной (сковороды, кастрюли) и столовой (кувшины, миски) посудой. Интересной находкой является амфориск с конусовидным подлощенным туловом и вертикально поставленными, овальными в сечении, ручками. Высота сохранившейся части 16,5 см.

Чернолаковая керамика немногочисленна, представлена в основном профилированными днищами и венчиками киликов. Лак хорошего качества. Среди чернолаковой посуды выделяется часть дна килика с двухстрочным граффити, нанесенным по кругу (рис. 12, 1).

Прекращение функционирования ямы относится к началу IV в. до н.э., на основании сброшенной на дно амфоры производства Гераклеи Понтийской, которая датируется 90–80 гг. до н.э.

Яма № 6 располагалась над ямой № 5 на глубине 1,5 м от СДП. Яма небольшая, цилиндрической формы, в диаметре 0,6 м, глубиной 0,2 м. Заполнение – темный суглинок. Среди античной керамики несколько фрагментов посуды начала XX в.

Яма 7 читалась серым пятном по контуру округлой формы в кв. 6С с заходом в кв. 6В. Обнаружена на глубине 1,5 м от СДП. Яма цилиндрической формы, диаметром 1 м, глубиной 0,35 м. Заполнение представляет собой рыхлый золистый слой. В яме найдена округлая в сечении, полая внутри ручка красноглиняной сковороды с прямым венчиком. Днище сковороды имело рифленую поверхность (рис. 11, 3). Диаметр ручки 2,5 см. Среди находок выделяется ножка лесбосской сероглиняной амфоры с вдавленными кружками по внешней поверхности (рис. 12, 2) и усечено-коническое лепное пряслице.

Яма 8 исследована в кв. 5С. Уровень фиксации 1,4 м. (рис. 8, 2). Устье в плане округлое 1,2 на 1,3 м, обложено мелкими камнями. Глубина ямы 0,8 м. Стенки слегка расширены ко дну. Заполнение: золистый слой с крупными плотно забитыми камнями, некоторые со следами подтески (рис. 6, 3). В западной части ямы находилась каменная заготовка под якорь размером 0,70×0,3 м. В золистом слое восточной части и ближе ко дну обнаружено более двух сотен виноградных улиток. Яма в нижней своей части вклинивалась в более раннее сооружение, расположенное к востоку от нее (яма?). Оттуда происходит обломок тонкостенного килика и фрагмент светильника второй половины VI в. до н.э.

Яма 9 располагалась к ЮВ от ямы № 1 в кв. 6В. Читалась с уровня подошвы кладки № 1. В плане яма имела форму овала (0,5×0,9 м). Фиксированная глубина 0,5 м. Заполнение представляло очень плотный, спрессованный грунт, с включением керамического материала (рис. 11, 3). И только в нижней части ямы находился более легкий подзолистый слой.

В результате раскопок поселения на Приморском бульваре в 2008 г. была собрана и изучена археозоологическая коллекция, насчитывающая 521 кость минимально от 20 особей млекопитающих животных, а также кости птиц, рыб и моллюсков.

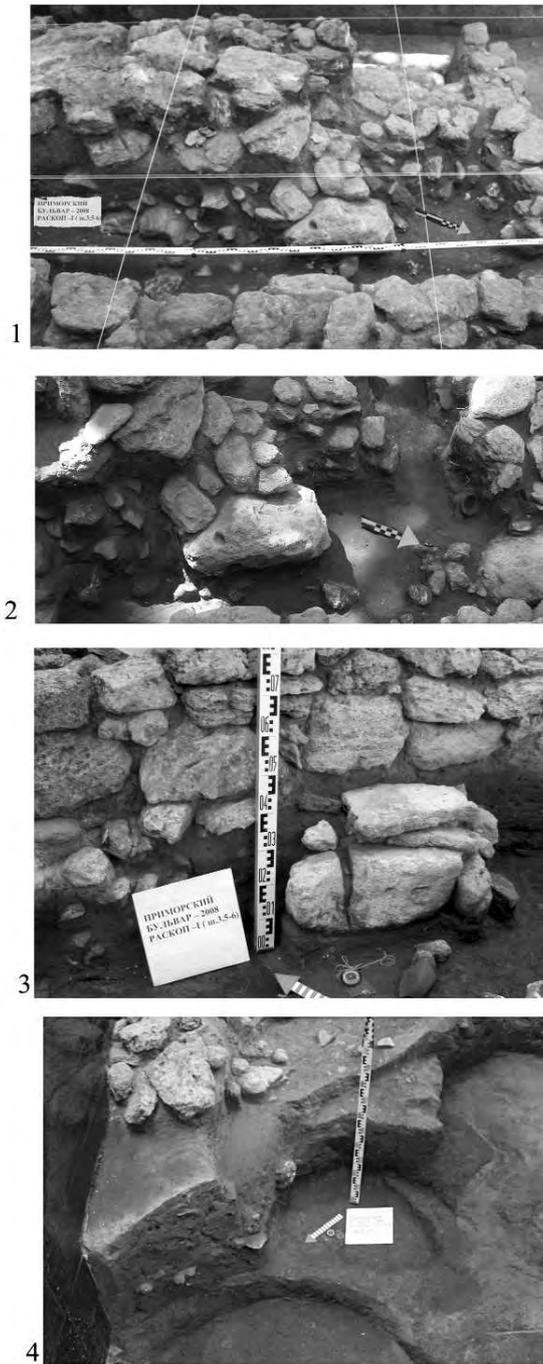

Рис. 9. Раскоп I. 2008 г.

1 – вид на раскоп с востока; 2 – вид на развал печки; 3 – каменное сооружение у основания кладки 1; 4 – яма 9 и напластования культурного слоя под кладкой 1.

Рис. 10.
1-2 – вид на витрину над раскопом I; 3 – раскоп I после реконструкции.

Рис. 11. Материал из раскопок 2008 г.

1 – керамика с рельефным орнаментом; 2 – находки с верхнего уровня кладки 1; 3 – фрагменты дна сковородки. Яма 9; 4 – Лепной горшок с подковообразной наклепной ручкой. Яма 5; 5 – витые ручки мисок из заполнения ямы 1; 6 – фрагмент лепного сосуда с наклепом в виде украшения (верхний слой раскопа); 7 – венчики лепных скифских горшков; 9 – каменная плитка с процарапанным изображением из шурфа 4, яма 1.

Рис. 12.

1 – фрагмент дна чернолакового килика с граффити; 2 – фрагмент дна лесбосской амфоры; 3 – горловина хиосской амфоры; 4 – фасосское клеймо (316–295 гг. до н.э.); 5 – гераклейское магистратское клеймо начала 90 гг. до н.э.; 6 – фасосское клеймо (345–335 гг. до н.э.) яма 1; 7–7а – верхняя часть гераклейской амфоры с клеймом начала IV в. до н.э. Яма 5. 8–8а – краснофигурная пелика из некрополя поселения Приморский бульвар. Коллекция ОАМ.

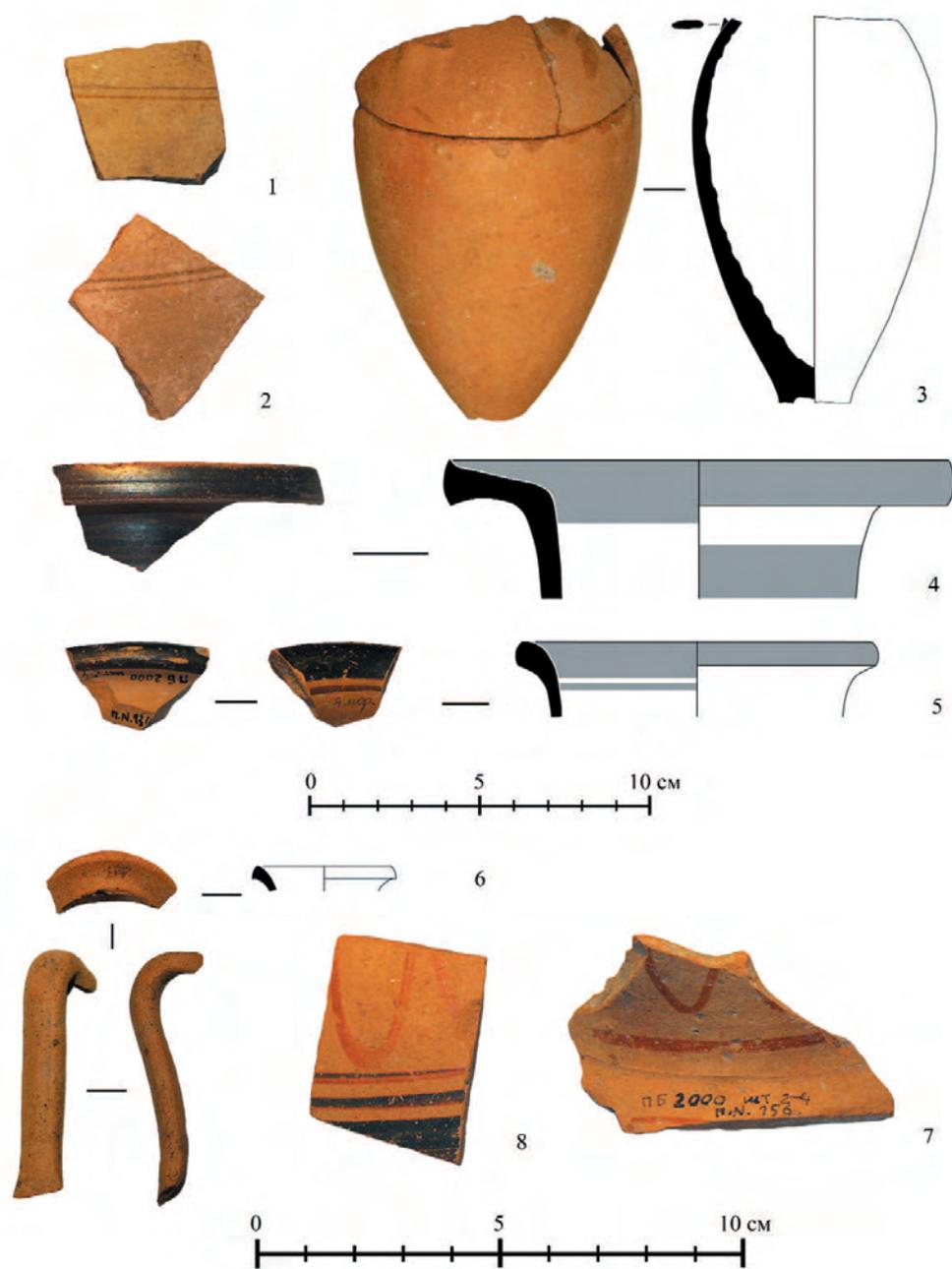

Рис. 13.

1 – 2000. № 146; 2 – 2000. яма 1. № 145; 3 – 2008. яма 5; 4 – 1997. № 203; 5 – 2000. № 131;
6 – 2008. яма 5; 7-8. 2000 № 156.

Рис. 14.

1-2 - 2000; 3 - 2000. № 151; 4 - 2000 б/н.; 5 - 2000. № 144; 6 - 2000. № 130; 7 - 2008, яма 5; 8 - 2000. № 138; 9 - 1997. № 135; 10 - 2000. № 153; 11 - 2000. № 154.

Рис. 15.

1 – 1997. № 79; 2 – 2008. сп. 127; 3 – 2000. сп. 159; 4 – 2000. № 136; 5 – 2008, яма 5;
6 – 2008. яма 5.

Рис. 16.
1 – 1998. № 202; 2 – 2000; 3 – 2000. № 166; 4 – 2000; 5 – 2000. № 168; 6 – 2000; 7 – 2000.
№ 169; 8 – 2000. № 167.

Собранный материал представляет типичные кухонные остатки. Можно отметить сильную утилизацию материала, наличие костей со следами обработки и костей со следами погрызов собак.

Керамический комплекс.

Характеристика материала выстроена по хронологическому принципу. Для этого задействован комплекс находок 2008 г. и переданные материалы А.О. Добролюбского.

Нижняя граница отдельных керамических материалов относится к концу третьей четверти VI в. до н.э., однако массовая коллекция датируется от последней трети / четверти этого столетия. Среди немногочисленных фрагментов амфорной тары ее определяют фрагменты стенок хиосских ранних пухлогорлых амфор со сдвоенной тонкой полосой по плечам (рис. 13, 1–2), принадлежащие раннему варианту III-A по С.Ю. Монахову. Они имеют широкую датировку в пределах последней трети VI в. до н.э. – начала V в. до н.э. (Монахов 2003: 16–17, табл. 3, 4–6; 4, 1–5). Тем же временем датируются фрагменты восточнореческих привозных сосудов – столовых амфор с окрашенными отогнутыми венцами, волнистым орнаментом по горлу и плечам, нанесенным тонкими линиями лака (рис. 13, 4–5, 7–8). Закрытые сосуды разных форм с таким декором (столовые амфоры, лекифы, аски и проч.) широко известны в керамическом комплексе ближайших памятников позднеархаического времени в Северо-Западном Причерноморье – Ольвии (см. с аналогиями по Северному Причерноморью: Буйских 2013: 116–118, рис. 98–101) и синхронных поселений ольвийской хоры (Буйских, Буйских 2010: рис. 2, 14–17; 9, 13–18; 13, 7–9; 15, 6–7; 16, 11–15; 17, 21–22; 21, 5; 23, 1–7). Найдены также поздние образцы ионийской керамики, относящиеся уже к началу – первой половине V в. до н.э. – фрагменты североионийской (?) микроольпы (рис. 13, 6), фрагментированный южноионийский (скорее всего, милетский) амфориск (рис. 13, 3). Поздние милетские амфориски без лакового покрытия также представлены среди материалов Ольвии (Буйских 2013: рис. 18, кат. № 1.250 – 1.252).

Среди открытых форм необходимо обратить внимание на два фрагмента чаш с точечными розетками и, возможно, их более поздних производных, без розетт (рис. 14, 1–2). Установлено, что такие сосуды (группа III по М. Кершнеру) являются своего рода хронологическими маркерами для памятников, которые были основаны в VI в. до н.э. (Kerschner 2006: S. 243–244). Датировки найденных на Приморском бульваре чаш широкие, в пределах всей второй половины VI в. до н.э. Интересно, что аналогичный килик известен в Никонии (Секерская 1976: рис. 2, 14, с. 91 – с поправкой на современную датировку), где он, как и в комплексе Приморского бульвара, входит в группу наиболее ранних находок. Помимо них, имеется фрагмент лаконского килика с точечным декором в резервной зоне (рис. 14, 3). Опыт изучения позднеархаических памятников в Северном Причерноморье подсказывает, что лаконские килики являются характерной составляющей керамического комплекса последней трети VI в. до н.э. (Буйских 2013: с. 178–179; Buiskikh 2014: p. 72, fig. 4, 1–6). Помимо них, обнаружены также фрагменты нескольких глубоких одно- или двуручных чаш с полосами лака внутри и снаружи или полностью залитых лаком (рис. 14, 4–9). Все они относятся к категории полосатой керамики неустановленных ионийских (?) центров производства. На примере Ольвии известно, что массовое распространение такие сосуды получили ближе к концу VI в. до н.э. и редко переходят в начало следующего столетия (см. подр.: Буйских 2013: с. 139). Хиосский

импорт представлен двумя ангобированными микроольпами (рис. 14, 10–11). Они также хорошо известны в керамических комплексах многочисленных памятников Северного Причерноморья второй половины VI – начала V в. до н.э. (для региона Березани-Ольвии см.: Ильина 2005: кат. № 229–244; Буйских 2013: рис. 173, кат. № 10.156 – 10.165).

Помимо столовой посуды, обнаружены также сосуды специального назначения, которые являются составной частью бытовой утвари для каждого позднеархаического поселения. Это – фрагмент ионийского кольцевого аска с центральной трубкой и перекидной ручкой (рис. 15, 1). Особенности профилировки, в частности, резкий переход к основанию трубки, позволяют отнести его ко второй группе по В.М. Скудновой с широкой датировкой второй половиной VI в. до н.э. (Скуднова 1945: 134 сл.). Эта типология была разработана В.М. Скудновой на основании изучения массовых находок ионийских асков в некрополе Ольвии, однако в настоящее время значительная коллекция таких сосудов известна и их раскопок собственно городища (подр.: Буйских 2013: 133 сл.). Помимо аска, обнаружено несколько фрагментов привозных ионийских светильников открытого типа с лаковым покрытием вместилища. Они принадлежат нескольким наиболее распространенным в позднеархаическое – раннеклассическое время типам. Это – фрагмент открытого, скорее всего, двухрожкового светильника с конической втулкой в центре дна (рис. 15, 4) (Журавлев, Быковская, Желтикова 2007: кат. № 1–16; Буйских 2014: рис. 64, 1–9). Кроме них, имеется несколько фрагментов от близких по форме светильников с небольшим коническим выступом в центре вместилища, покрытых лаком по узким плечам. Вместилище может быть полностью залито лаком (рис. 15, 2–3). Известен и фрагмент однорожкового открытого светильника, в котором вместилище оставлено в цвете глины и лишь выступ в центре обведен полосой лака (рис. 15, 5). Кроме того, имеется фрагмент светильника с полосой белой краски по плечикам (рис. 15, 6) – такой светильник, судя по известным аналогиям, имел два рожка. Все они датируются тем же временем, что и предыдущий тип и хорошо известны в коллекциях боспорских памятников позднеархаического времени (Журавлев, Быковская, Желтикова 2007: 38 сл. Кат. № 18–32; Буйских 2014: рис. 65, 1–9), а также в Ольвии (Шейко 2014: 486 сл., рис. 1–2).

Привозная аттическая керамика представлена немногочисленными фрагментами чернофигурных сосудов, позволяющих, однако, уточнить даты, полученные по восточногреческому импорту. Наиболее ранним в коллекции Приморского бульвара является фрагмент венчика с частью ручки-пластины от колонного кратера, декор которого составляют наклонные частые зигзаги, а с внутренней стороны устья проведена широкая полоса пурпура. Судя по фрагменту крыла, на пластине был изображен сфинкс или птица (рис. 16, 1). Материалы Борисфена свидетельствуют, что кратеры такого типа известны не только в комплексах третьей – начала последней четверти VI в. до н.э. (Ильина, Чистов 2012: рис. 74, 5), но и продолжали бытовать в комплексах более позднего времени, вплоть до начала V в. до н.э. (Ильина, Чистов 2012а: рис. 108, 7). Как правило, кратеры с подобным декором венчика датируются 560–540 гг. до н.э. (CVA USA: 19, 2). Открытые формы представлены также небольшим фрагментом придонной части чаши, скорее всего, типа А, с изображением пирующего силена с ритонном, опирающегося локтем на подушку, детали подсвечены белой краской (рис. 16, 3). К такому же типу сосудов, скорее всего, относится стенка с изображением осла (рис. 16, 5), который являлся участником дионисийских

сцен, популярных для росписи этих ваз. Еще один фрагмент края чаши содержит изображение варвара в фригийском колпаке – скифа или перса с луком (?) (рис. 16, 6). Чаши такого типа датируются временем ок. 500–490 гг. до н.э. (CVA Russia: pl. 60–61). Группа Хаймон представлена фрагментами края, стенки и дна глубоких чаш или скифосов (рис. 16, 8) – сохранились пальметты в зоне ручек (рис. 16, 2), свисающий край одежды (рис. 16, 4), датировки которых по известным аналогиям не раньше 480 г. до н.э. (Boardman 1974: p. 149; CVA Italia 65, 2: pl. 34/1–3; CVA USA, 36, I: pl. 21/1–2). К закрытым формам относится стенка лекифа с незначительно сохранившимся изображением, акцентированным двойными линиями, между которыми помещена схематично проработанная листовая гирлянда (рис. 16, 7). Чернофигурные лекифы, как известно, приобрели высокую популярность после 500 г. до н.э. (Boardman 1974: 146 ff.). Судя по стилистике изображения, этот сосуд синхронен сосудам группы Хаймон (см.: CVA Norway 1: pl. 28/5–6), хотя мотив гирлянды, точек или мелкого зигзага в лекифах более характерен для верхней части сосуда и помещался у перегиба плечей.

Достаточно точные даты предоставляют и фрагменты чернолаковой аттической керамики. Они относятся преимущественно к классическому времени и равномерно распределяются по этой хронологической шкале, хотя имеется и несколько фрагментов более раннего времени. Это, прежде всего, фрагменты ножки открытого сосуда (рис. 17, 8), в т.ч. и килика типа С с датой ок. 500–480 гг. до н.э. (Sparkes, Talcott 1970: cat. Nr. 420, 973), ножки чаши (bowl) (рис. 18, 6) ок. 500 г. до н.э. (Sparkes, Talcott 1970: cat. Nr. 809). Чаше-скифосу (cup-scyphos) ок. 490 г. до н.э. принадлежит фрагмент дна (рис. 18, 7) с характерным острым ребром по внешней стороне кольцевого поддона (Sparkes, Talcott 1970: cat. Nr. 574). Раннеклассическому времени принадлежат венчики, ручки и фрагменты доньев киликов позднего типа С или, по большей части, Vicup (рис. 17, 1–6, 9–10; 18, 2–3) с датами ок. 475–460 гг. до н.э. (Sparkes, Talcott 1970: cat. Nr. 434–438). Найдена также еще одна ручка (рис. 18, 1) от крупного килика на кольцевом поддоне (stemless cup), который датируется второй четвертью V в. до н.э. (Sparkes, Talcott 1970: cat. Nr. 471). Серия фрагментов относится к эпохе развитой классики – это, прежде всего, венчик тонкостенной чаши типа Delicate class (рис. 18, 4) с датой ок. 450 г. до н.э. (Sparkes, Talcott 1970: cat. Nr. 483–484), ножка чаше-скифоса (рис. 18, 8) с массивной стенкой (cup-scyphos) ок. 420 г. до н.э. (Sparkes, Talcott 1970: cat. Nr. 615), ножка чаши bolsal (рис. 18, 9) ок. 425–400 гг. до н.э. (Sparkes, Talcott 1970: cat. Nr. 554). Найден также фрагмент венчика чаше-скифоса (рис. 17, 7), который по аналогиям с Афинской агоры датируется ок. 410 г. до н.э. (Sparkes, Talcott 1970: cat. Nr. 617).

Помимо аттической керамики, с другим греческим центром, Коринфом, связан крупный фрагмент открытого сосуда – «соусницы» (saucer). Характерной особенностью последнего является неглубокий объем, овальный край и слегка изогнутая линия профиля при переходе ко дну, а также простой декор в виде полос лака по краю венчика (рис. 19, 1). Соусницы такого типа существуют в репертуаре коринфских гончаров в позднеклассическое – раннеэллинистическое время. Близкие формы обнаруженные в Коринфе, происходят из святилища Деметры и Коры (Remberton 1989: 47 ff., cat. Nr. 131, 464, 465).

Среди столовой керамики классического времени значительное место занимают открытые формы, часть из которых относится к ольвийскому, с нашей точки зрения, производству. Это края глубоких чаш с полосами красной лакообразной краски вну-

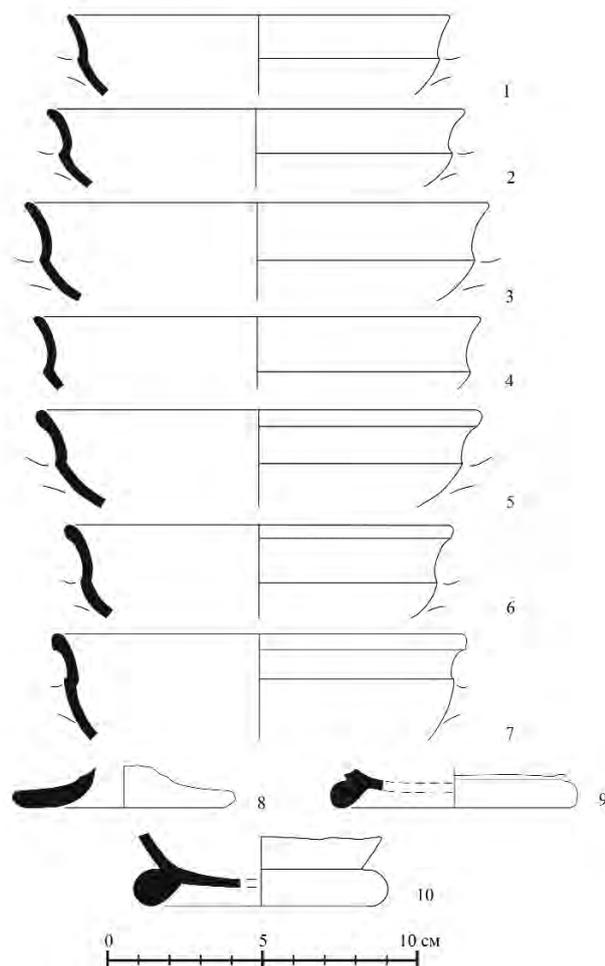

Рис. 17. 1 – 2000. № 126; 2 – 2000. № 121; 3 – 2000. № 118; 4 – 2000. № 123; 5 – 2000. № 120; 6 – 2000. № 122; 7 – 2008. сп. 77; 8 – 2005; 9 – 1997. № 77; 10 – 1997. б/н.

три и по внешней стенке, известных как в крупных формах (рис. 19, 2), так и в миниатюрных (рис. 19, 4), край тарелки с продольными каннелюрами (рис. 18, 3), имитирующие восточнореческие формы, края и донья рыбных блюд с красным покрытием (рис. 19, 5–7). Все эти сосуды хорошо известны в керамическом комплексе Ольвии по массовым находкам на территории собственно городища и предградья. Они датируются преимущественно рамками первых трех четвертей V в. до н.э. (Буйских 2011: рис. 9–14; Буйских 2013, рис. 133–135; Karjaka 2010: pl. 239, H-99; 241, H-118). К рубежу VI–V в. до н.э. по своей профилировке принадлежит красноглиняный фрагмент профилированного края (рис. 20, 1), скорее всего, от открытого сосуда, повторяющей форму крупного. Такие известны, в частности, по материалам Афинской агоры (Sparkes, Talcott 1970: cat. Nr. 56). Скорее всего, к местной ольвийской продукции относятся и фрагменты тарелок или мисок с заостренным и загнутым краем, на профилированных кольцевых поддонах (рис. 19, 8–11). Такие профили также типичны для ольвийского керамического комплекса вплоть до раннеэллини-

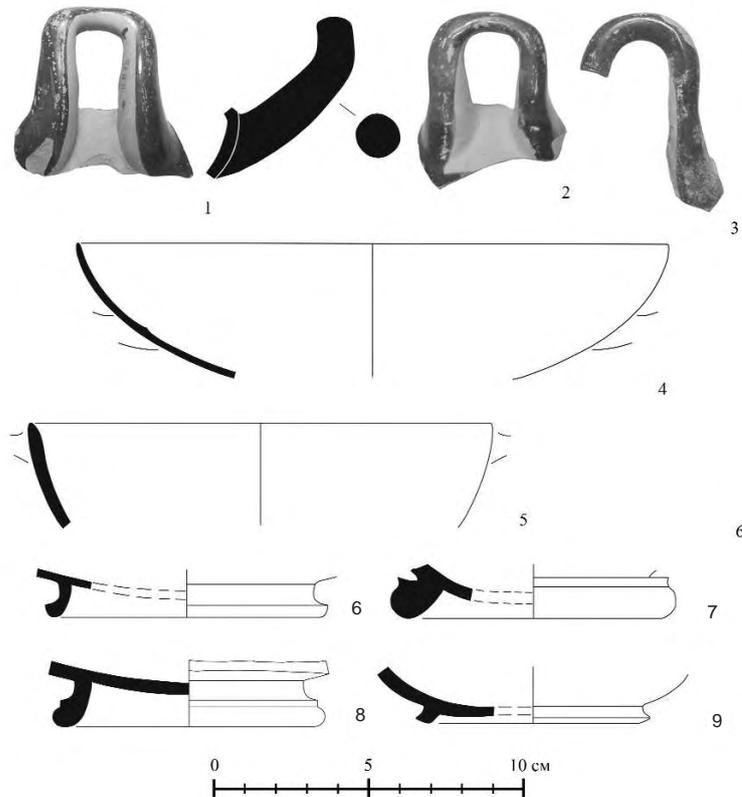

Рис. 18.

1 – 1997. № 76; 2 – 1997. № 235; 3 – 1997. № 39; 4 – 2008. яма 5; 5 – 1997. б/? ; 6 – 2008. сп. 89; 7 – 1997. № 176; 8 – 2008. яма 5; 9 – 2008. яма 1.

стического времени (Karjaka 2010: pl. 237, H-86; 238, H-90, H-91; 239, H-100, H-101, H-103). К позднеклассическому – раннеэллинистическому времени относятся красноглиняные столовые сосуды, в основном это кувшины с отогнутым треугольным в сечении краем, высоким узким горлом, декорированным одной или несколькими горизонтальными каннелюрами горлом и широким кольцевым поддоном (рис. 20, 2–6, 8–11). Этим же временем датируется и фрагмент горла, скорее всего, гераклейского кувшина (рис. 20, 7), определенного по визуальной характеристике глиняного теста, насыщенного пироксеном.

Коллекция серолощенной посуды отличается разнообразием форм. Фрагменты наиболее раннего времени представлены открытыми формами – мисками с загнутым краем, с горизонтальными каннелюрами по внешней стороне (рис. 21, 1–3). Миски с такими профилями в настоящее время безусловно относятся к местному ольвийскому производству и датируются еще второй половиной VI в. до н.э. Они широко представлены в комплексах полуземлянок и ям, раскрываемых в последние десятилетия в южной части Ольвии одним из авторов этой работы. Помимо профилированных,

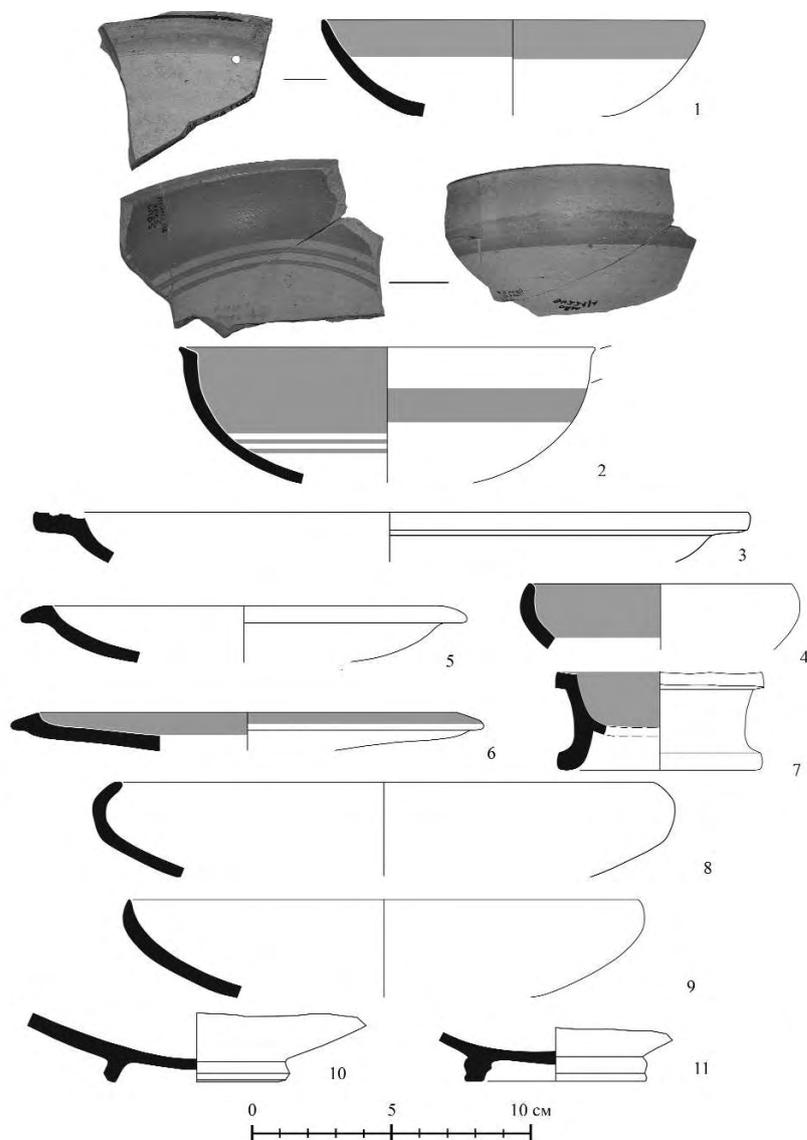

Рис. 19. 2008. 1. яма 5; 2. яма 5; 3. сп. 126; 4. сп. 49; 5. яма 1; 6. сп. 129; 7. яма 5; 8. сп. 48; 9. сп. 126; 10. сп. 40–41; 11. сп. 119.

найлены также фрагменты мисок с овальными поднятыми краями (рис. 21, 4–5) и слегка отогнутым (рис. 21, 6), на плоском дне (рис. 21, 11), которые существовали практически все классическое время. К категории открытых сосудов относится фрагмент края одноручного кубка (рис. 21, 7) и край, скорее всего, канфара или канфаровидного кубка (рис. 21, 8). Найлены также фрагменты сероглиняных рыбных блюд с овальным краем или неглубокими продольными каннелюрами по краю (рис. 21, 9–10). Они синхронны красноглиняным блюдам с теми же профилями и датируются широко в рамках второй половины V – практически всего IV в. до н.э.

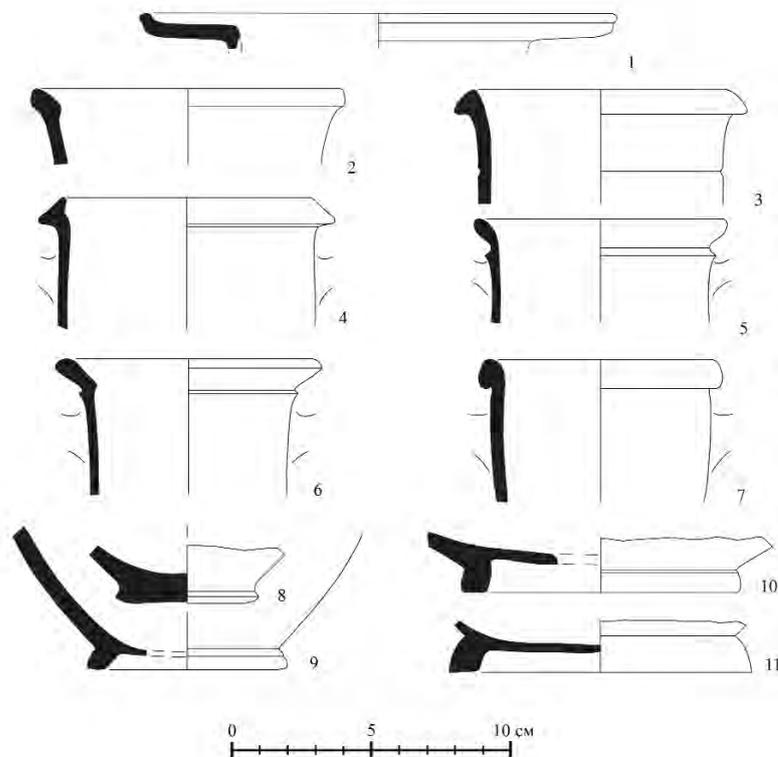

Рис. 20. 2008. 1. сп. 28; 2. яма 2; 3. сп. 57; 4. сп. 16; 5. яма 5; 6. сп. 40–41; 7. сп. 59; 8. сп. 103; 9. сп. 127; 10. яма 4; 11. сп. 48.

Набор одинаковых форм столовых сосудов в красно- и сероглиняном вариантах типичен для ольвийских керамических комплексов позднеархаического – раннеклассического времени (см. типологический состав ранних комплексов: Лейпунская 2010: 123 сл.). Такие же формы красно- и сероглиняных открытых и закрытых сосудов характеризуют ольвийский керамический комплекс и в позднеклассическое время. Находки серолощенных кувшинов с прямым или каннелированным горлом (рис. 22, 1–6), треугольным отогнутым краем этот вывод подтверждают. Такие кувшины известны в ольвийском некрополе вплоть до раннеэллинистического времени (Козуб 1974: 63 сл.; Пуїна 2009: 77 ff.) и в городских комплексах и слоях (Лейпунская, Крапивина, Буравчук 2014: рис. 1, 2–3).

Кухонная керамика дает стандартный набор сосудов в виде горшков, с разной профилировкой верхней части: с отогнутым краем и короткой шейкой, прямым краем без шейки, с резко расходящимися плечами, внутренней закраиной под крышку, с плоским или профилированным дном (рис. 23, 5–11). Такие горшки и крышки к ним с вертикальными простыми или профилированными ручками, которые наверняка имитировали форму чернолаковых крышек (рис. 23, 1–4), также известны в Ольвии для практически всего классического – раннеэллинистического времени (Лейпунская 2010: табл. 1). Найден также крупный фрагмент кастрюли с закраиной под крышку и вертикально поднятыми ручками, а также крышка для такой кастрю-

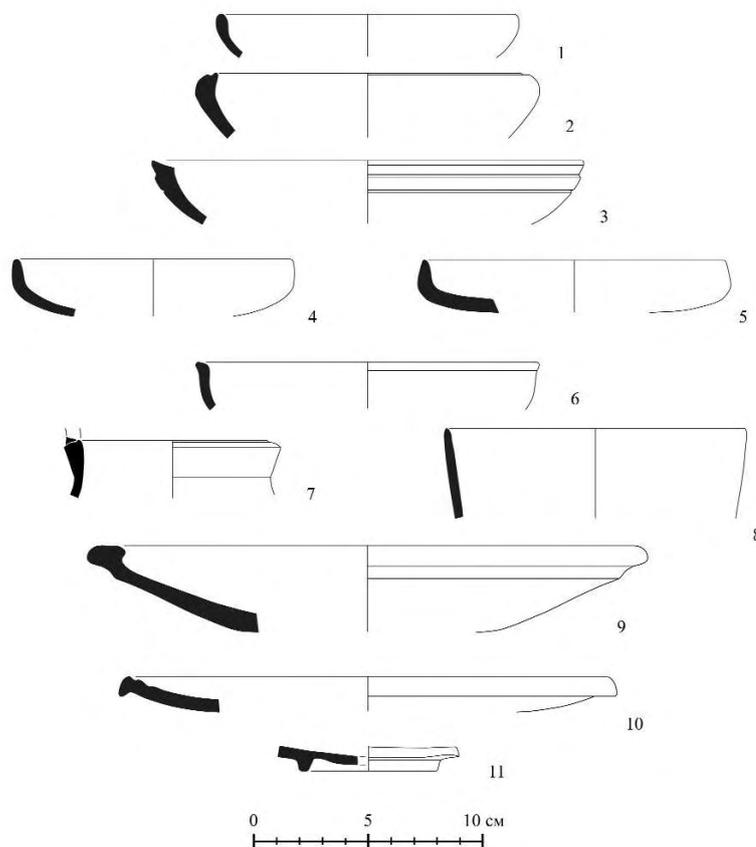

Рис. 21. 2008. 1. сп. 31; 2. сп. 7; 3. сп. 119; 4. сп. 16; 5. сп. 103; 6. сп. 40–41; 7. сп. 59; 8. сп. 103; 9. сп. 127; 10. яма 4; 11. сп. 48.

ли (рис. 23, 12–13). Такой набор сосудов для приготовления пищи в целом характерен для керамического комплекса позднеклассического – раннеэллинистического времени из Нижнего города Ольвии (Gavriljuk 2010: pl. 259 ff.). Не менее характерен такой набор посуды для приготовления пищи, найденный на Афинской агоре (Rotroff 1997: cat. Nr. 1475–1490). Несколько фрагментов красноглиняных лутериев, судя по профилированным отогнутым краям, плоскому и кольцевым поддонам (рис. 24, 1–5), принадлежат преимущественно к позднеклассическому времени (Sparkes, Talcott 1970: cat. Nr. 1898). Материалы из городских кварталов Ольвии такую датировку подтверждают (Лейпунська 1980: рис. 2/16–17; Lejpuskaja 2010: pl. 310).

Эллинистическая керамика представлена в целом немногочисленными, но характерными для этого времени фрагментами. Среди привозных материалов преобладают фрагменты сосудов, соотносимых с поздним аттическим и малоазийским, преимущественно, пергамским производством. Пергамский импорт характеризуется несколькими небольшими тарелками с плоским краем, покрытыми коричневым лаком низкого качества (рис. 25, 1–2). Керамика, скорее всего, пергамского, производства, покрытая коричневатым лаком, представлена фрагментом края глубокого

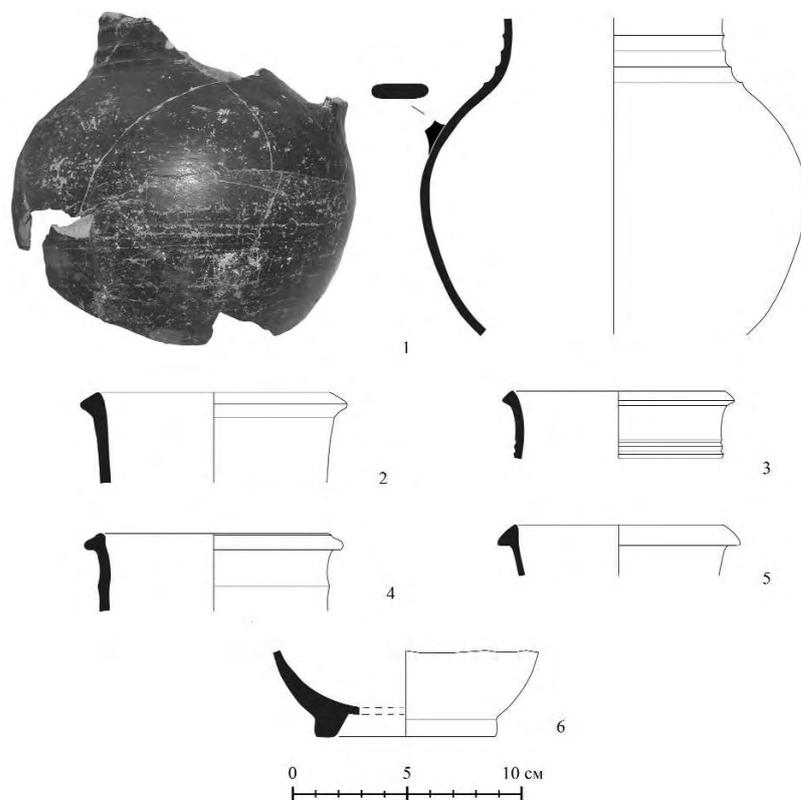

Рис. 22. 2008. 1. яма 5; 2. сп. 92; 3. сп. 32; 4. сп. 90; 5. сп. 8; 6. сп. 33.

т.н. пергамского лутерия, расписанного растительной гирляндой, нанесенной белой краской (рис. 25, 3). Подобный профиль венчающей части имели кратеры конца III вв. до н.э., известные по материалам Афинской агоры (Rotroff 1997: cat. Nr.591–595). К пергамской продукции относится венчик амфоры-пелики (рис. 25, 5), копирующей аттические образцы. Малоазийские сосуды – лутерии и амфоры типичны для ольвийского керамического комплекса (Буравчук 2014: рис. 9/11; 12/1). К аттическому импорту следует отнести фрагмент крупной чаши (bowl) с отогнутым подтреугольной формы венчиком (рис. 25, 4). Согласно современным представлениям, он датируется раннеэллинистическим временем, ок. 300 г. до н.э. (Rotroff 1997: cat. Nr. 869–870). Ранее по материалам Афинской агоры близкие профили относились к позднеклассическому времени, ок. 350–325 г. до н.э. (Sparkes, Talcott 1970: cat. Nr. 806). К аттическому импорту относится дно гуттуса для масла (рис. 25, 6) первой четверти III в. до н.э. (Rotroff 1997: cat. Nr. 1142). Такие сосуды характерны для массовых находок в раннеэллинистических поселенческих комплексах (Егорова 2009: кат. № 515). Помимо гуттуса, обнаружена нижняя часть скифоса на широком профилированном кольцевом поддоне (рис. 25, 7). Датировка такого сосуда синхронна гуттусу (Rotroff 1997: cat. Nr. 152, 154). Поздние аттические скифосы широко известны по находкам на многих памятниках эллинистического времени (Егорова 2009: кат. № 144–152).

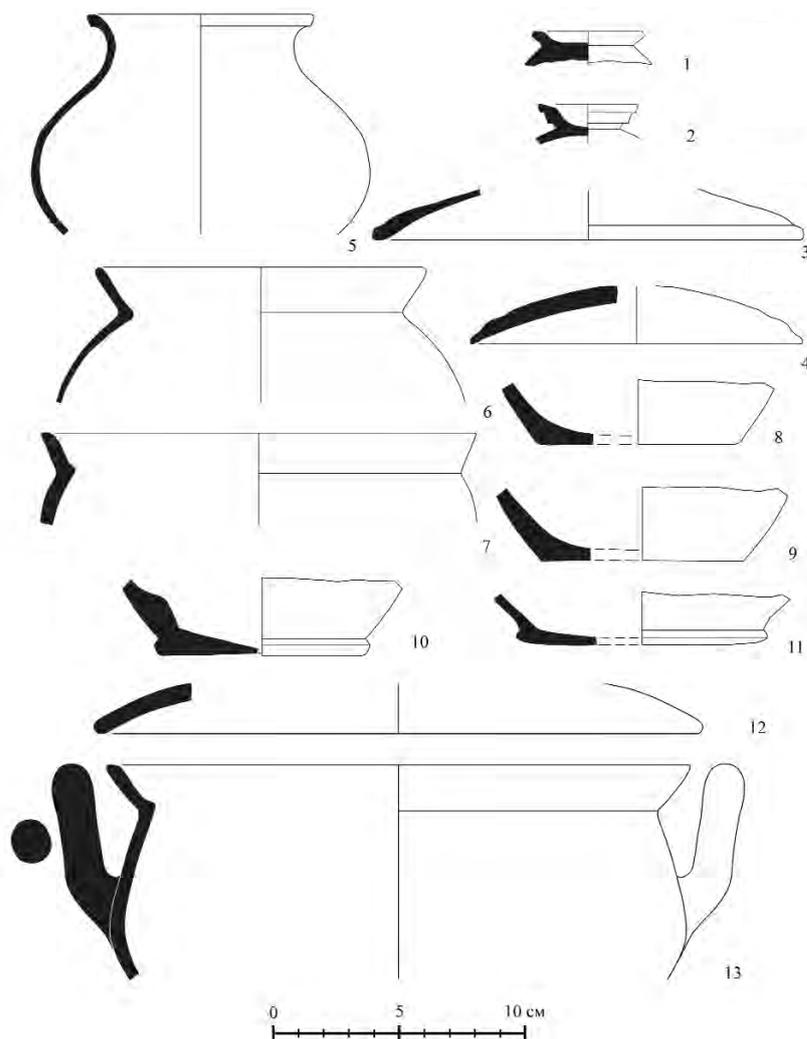

Рис. 23. 2008. 1. сп. 101; 2. сп. 72; 3. сп. 107; 4. сп. 21; 5. яма 6; 6. сп. 40–41; 7. сп. 40–41; 8. сп. 26; 9. сп. 120; 10. сп. 50; 11. сп. 21; 12. сп. 120; 13. сп. 120.

Простая столовая посуда эллинистического времени – это, в основном, крупные открытые формы – глубокие красноглиняные миски, в т.ч. с рельефным завершением загнутого края (рис. 26, 1–3), не исключено, также ольвийского производства. Крупный красноглиняный открытый сосуд имеет характерную закраину по отогнутому венчику (рис. 26, 4). Такие профили известны у открытых сосудов в конце II – начале I в. до н.э. (Rotroff 1997: cat. Nr. 438, 440–442). Синхронными являются фрагменты красноглиняных диносов (рис. 26, 6–7), скорее всего, также атрибутируемых с ольвийским производством. Диносы с рельефными энглифическими овами по краю или под краем происходят из жилых домов в Нижнем городе Ольвии и датируются, согласно керамических комплексов, первой половиной – серединой II в. до н.э.

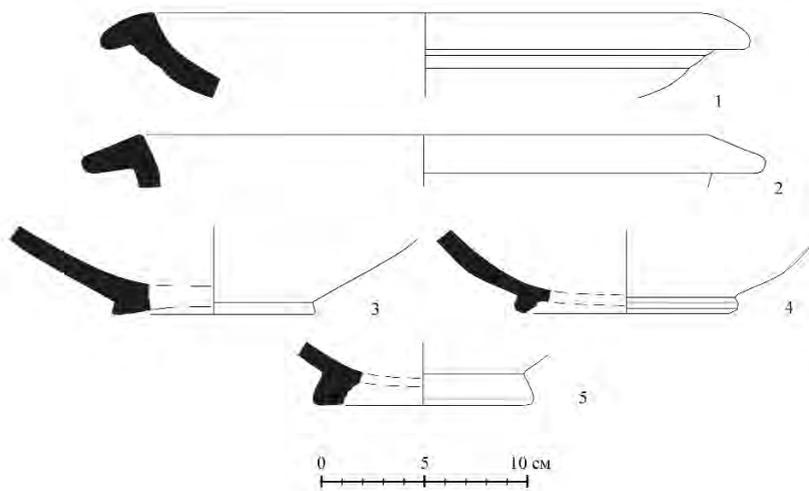

Рис. 24.

1. яма 5; 2. сп. 26; 3. сп. 11; 4. яма 1; 5. яма 1.

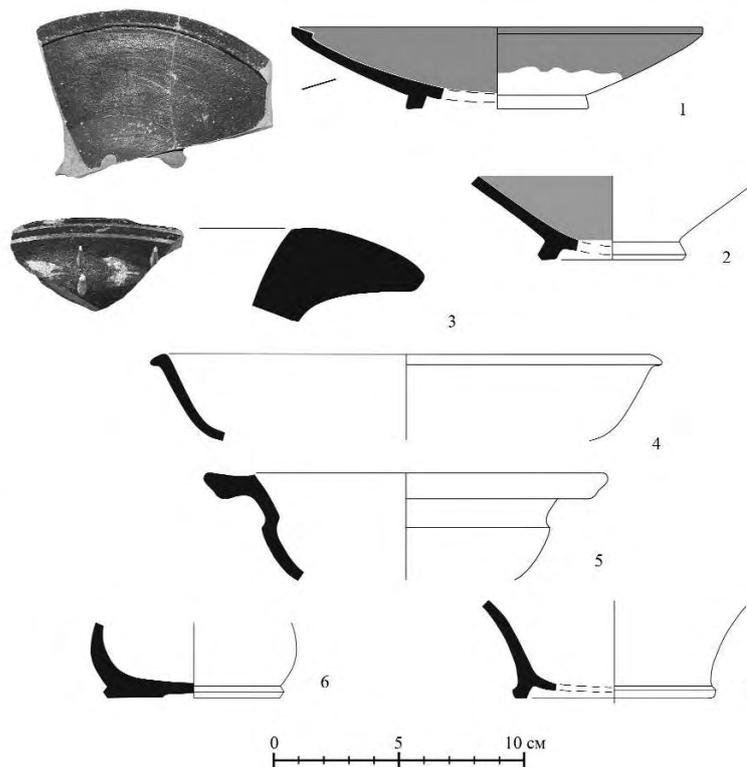

Рис. 25. 2008. 1. юго-западная часть кладки 1. верхний уровень; 2. яма 1; 3. юго-западная часть кладки 1. верхний уровень; 4. сп. 7; 5. яма 1; 6. яма 1; 7. сп. 113.

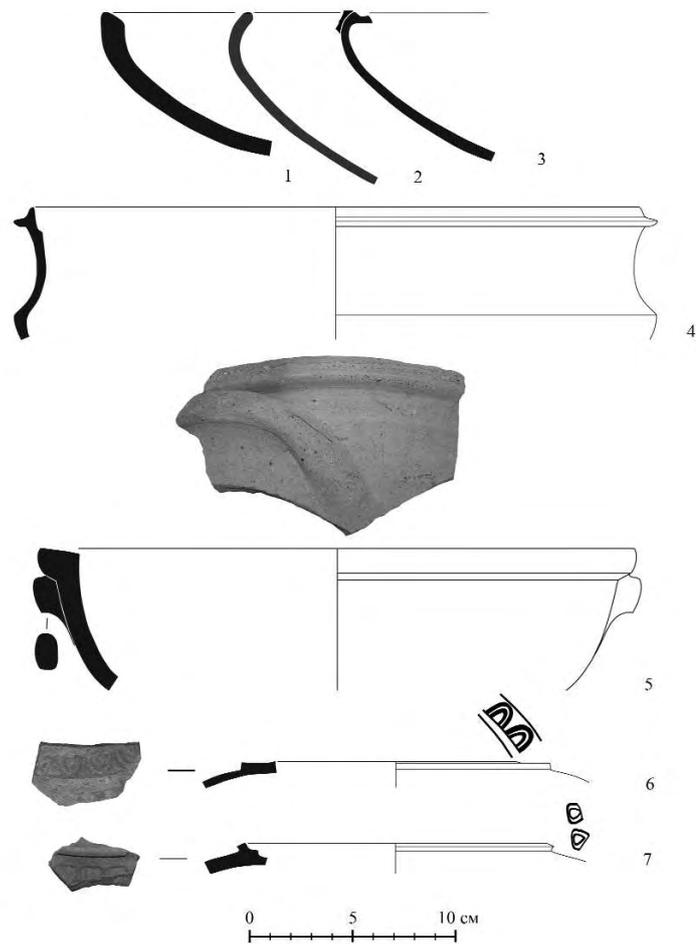

Рис. 26. 2008. 1. яма 1; 2. сп. 54; 3. сп. 129; 4. сп. 126; 5. сп. 126; 6. сп. 48; 7. сп. 30, яма 1.

(Karjaka 2010: pl. 236, H-80 – P-82). Вряд ли далеко от этих сосудов в хронологическом отношении отстоит фрагмент красноглиняного лутерия с полукруглой ручкой, прилегающей к стенке под венчиком (рис. 26, 5). Такие сосуды, так называемые хозяйственные лутерии, получили широкое распространение в керамическом комплексе Ольвии (Лейпунська 1980: рис. 3, 17–19).

Обзор простой столовой керамики, найденной на Приморском бульваре и относящейся к длительному времени, от позднеархаического до позднеэллинистического, свидетельствует о ее преимущественном производстве в Ольвии. Это значит, что поселение было включено в экономическую зону Ольвийского полиса от момента его основания. Ольвия оставалась основным торговым партнером для поселения на Приморском бульваре, как и всех тех, что были основаны к западу от Березанского лимана, в частности, Кошар. Кроме того, известные материалы позднеархаического времени из Никония (Секерская 1976: 84 сл.), поселений левобережья Днестровско-

го лимана (Охотников 1990) позволяют говорить, что освоение приморской зоны и прибрежных лиманов включая левый берег Днестровского лимана, произошло уже в последней трети/четверти VI в. до н.э. Ольвийский полис, скорее всего, принял в этом непосредственное участие. Не исключено, что освоение приморской части между Березанским и Днестровским лиманами явилось частью второго этапа в истории Ольвийского полиса, и поэтому эту территорию можно включить в территориальные рамки ольвийской хоры. В настоящее время установлены два основных этапа в территориальном развитии Ольвийского полиса. На первом этапе (рубеж VII–VI вв. до н.э.) была освоена прибрежная территория между Борисфеном (о. Березань) и Ольвией, включая берега Березанского лимана, на втором (после середины VI вв. до н.э.) – правый и левый берега Бугского лимана к северу от Ольвии (Буйских, Буйских 2010: 27–28). Результаты исследования ранних материалов керамического комплекса, обнаруженного на Приморском бульваре, позволяют расширить территорию Ольвийского полиса на втором этапе его развития вплоть до Днестровского лимана. Однако, это предположение нуждается в поиске новых данных и новых аргументов, которые позволят его подтвердить или предложить иную интерпретацию памятников позднеархаического времени к западу от Ольвии.

Отсутствие культурного слоя античного времени между двумя исследованными участками (район дворца Воронцова и на Приморском бульваре) позволяет предположить существование двух одновременных памятников, относящихся к двум периодам расширения ольвийской хоры. Первое поселение (район дворца Воронцова), по-видимому, существовало с конца VI по первую половину V в. до н.э. Время жизнедеятельности второго, на Приморском бульваре, предварительно можно определить концом V – первой половиной III в. до н.э. Об этом свидетельствуют и материалы некрополя. Однако вопрос о его верхней дате остается открытым. Найденные здесь немногочисленные фрагменты эллинистической керамики, характерной для конца III – начала II в. до н.э., указывают на вероятность более длительного существования поселения. Подтвердить или опровергнуть эту гипотезу могут лишь новые исследования, которые из-за месторасположения памятника вряд ли будут проведены в ближайшие годы.

Литература

- Агбунов М.В. 1992. Античная география Северного Причерноморья. М.
- Аркас З. 1853. Сравнительная таблица эллинских поселений по Эвксинскому Понту безименного автора с местами, обозначенными на Меркатерской карте Черного моря по последней описи 1836 года капитан-лейтенанта Манганари // ЗООИД. Т. III. Одесса.
- Беккер П.В. 1853. Берег Понта Эвксинского от Истра до Борисфена // ЗООИД. Т. III. Одесса.
- Брун Ф.К. 1865. Черноморье. Ч. 1. Одесса.
- Буйских А.В. 2011. Краснолощенные рыбные блюда из Ольвии // БИ. Вып. XXV. Симферополь – Керчь.
- Буйских А.В. 2013. Архаическая расписная керамика из Ольвии (восточногреческая, лаконская, коринфская, имитации). К.
- Буйских А.В. 2014. Приложение 1. Амфоры и столовая керамика // Зинько В.Н. Тиритака. Раскоп XXVI. Т. II. Археологические комплексы VI–V вв. до н.э. / Боспорские исследования. Suppl. 11. Симферополь – Керчь.

- Буйских С.Б. 1996. Между Истрией и Ольвией (античные поселения Дунай-Днестровского междуречья) // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Тез. докл. науч. конф. Ростов-на Дону.
- Буйских С.Б. 1999. Еще раз о так называемой «Одесской «Истрии» // КСОАО. Одесса.
- Буйских С.Б., Буйских А.В. 2010. К хронологии архаических поселений хоры Ольвии Понтийской // БИ. Вып. XXIV. Симферополь – Керчь.
- Буравчук О.Е. 2014. Эллинистическая расписная керамика // Крыжицкий С.Д., Лейпунская Н.А. Жилье дома Центрального квартала Ольвии / МАИЭТ. Suppl. 13. Симферополь – Керчь.
- Диамант Э.И. 1976. Поселение и могильник V–III вв. до н. э. на месте Приморского бульвара в Одессе // МАСП. № 8.
- Диамант Э.И. 1996. Расписная посуда ольвийского производства на античных поселениях побережья Одесского залива // Древнее Причерноморье. III чтения памяти проф. П.О. Карышковского. Одесса.
- Добролюбовский А.О., Красножен А.В. 2002. Некрополь античного поселения «Приморский Бульвар» в Одессе // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. СПб.
- Добролюбовский А.О., Красножен А.В. 2005. Топохронология, стратиграфия, и периодизация поселения «Приморский Бульвар» в Одессе // Боспорский феномен. СПб.
- Добролюбовский А.О. 1999. В поисках античной Одессы // Stratum plus. № 3.
- Добролюбовский А.О. 2004. Античная Одесса. Одесса.
- Добролюбовский А.О., Губарь О.И., Красножен А.В. 2002. Борисфен – Хаджибей – Одесса. Одесса – Кишинев.
- Добролюбовский А.О., Красножен А.В. 1998. Блуждающие гавани истриан и исиаков // Древнее Причерноморье. IV чтения памяти проф. П.О. Карышковского Одесса
- Добролюбовский А.О., Красножен А.В. 2005. Топохронология, стратиграфия и переодизация поселения «Приморский бульвар» в Одессе // Боспорский феномен. СПб.
- Егорова Т.В. 2009. Чернолаковая керамика IV–II вв. до н.э. с памятников Северо-Западного Крыма. М.
- Журавлев Д.В., Быковская Н.В., Желтикова А.Л. 2007. Светильники VI – первой половины III в. до н.э. // Из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Т. I. К.
- Ильина Ю.И., Чистов Д.Е. 2012 а. II-A. Античный город на Березани. Находки // Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции. Т. 2. Исследования на острове Березань в 2005–2009 гг. СПб.
- Ильина Ю.И., Чистов Д.Е. 2012а. II-B2. Античный город на Березани в конце VI – первой четверти V в. до н.э. Находки // Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции. Т. 2. Исследования на острове Березань в 2005–2009 гг. СПб.
- Ильина Ю.И. 2005. Хиосская керамика из раскопок на острове Березань // Борисфен-Березань. Археологическая коллекция Эрмитажа. Т. 1. СПб.
- Козуб Ю.И. 1974. Некрополь Ольвии V–IV ст. до н.э. К.
- Лейпунская Н.А. 2010. Опыт классификации керамики из архаических комплексов (по материалам Центрального квартала Ольвии) // БИ. Вып. XXIV. Симферополь – Керчь.
- Лейпунская Н.А., Крапивина В.В., Буравчук О.Е. 2014. Сероглиняная керамика // Крыжицкий С.Д., Лейпунская Н.А. Жилье дома Центрального квартала Ольвии / МАИЭТ. Suppl. 13. Симферополь – Керчь.
- Лейпунська Н.О. 1980. Лутерії з Ольвії // Археологія. Вип. 33.
- Монахов С.Ю. 2003. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. М. – Саратов.
- Охотников С.Б. 1990. Нижнее Поднестровье в VI–V вв. до н.э. К.
- Охотников С.Б. 2010. Археология в Одессе. 185 лет Одесскому археологическому музею (1825–2010). Одесса.

- Пападимитриу С.Д. 1911. Местонахождение древней Одессы // ЗООИД. Т. XXIX.
- Редина Е.Ф. 2006. Античные поселения междуречья Южного Буга и Днестра в древнегреческой литературной традиции и попытки их локализации // Древнее Причерноморье. Сборник статей, посвященных 85-летию со дня рождения профессора П.О. Карышковского. Одесса.
- Редина Е.Ф. 2013. Поселения Одесского залива // Древние культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса.
- Секерская Н. М. 1976. Архаическая керамика из Никония // МАСП. Вып. 8. Одесса.
- Скуднава В.М. 1945. Кольцеобразные сосуды с перекидной ручкой из Ольвии // Труды Отдела истории искусства и культуры античного мира. Т. 1. Л.
- Стемпковский И.А. 1827. Известия о древностях, найденных в Одессе в течении лета 1826 года // Отечественные записки П. Свиньина. Ч. 30.
- Стемпковский И.А. 1826. Исследования о местоположении древних греческих поселений на берегах Понта Эвксинского, между Тирасом и Борисфеном, учиненные по случаю найденных в 1823 г. остатков древности в Одессе // ОЗ. Ч. 26. Кн. 73–74.
- Тункина И.В. 2002. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб.
- Шейко И.Н. 2014. Светильники // Крыжицкий С.Д., Лейпунская Н.А. Жилые дома Центрального квартала Ольвии / МАИЭТ. Suppl. 13. Симферополь – Керчь.
- Blaraberg J. 1827. Odessa, 13 fevrier // Journal d'Odessa. 16–28 fevr. № 13; 19 fevr. – 3 mars. № 14.
- Boardman J. 1974. Athenian Black Figure Vases. London.
- Buiskikh A. 2014. About a Typical Ceramic Deposit of the 6th Century BC in the Northern Black Sea Territory: Olbia Pontike and Tyritake // Tyritake – Antique Site at Cimmerian Bosphorus. Proceedings of the International Conference. Warsaw, 27–28 November 2013. Warsaw.
- Gavriljuk N.A. 2010. Cookingware // The Lower City of Olbia (Sector NGS) in the 6th Century BC to the 4th Century AD. / Black Sea Studies. 13. Aarhus.
- Ilyina Y.I. 2009. Grey Pottery from the Late Classical – Early Hellenistic Period Olbia Necropolis Based on Materials from the Hermitage Museum // Pontic Grey Wares. International Conference Bucarest-Constantza, September 30th – October 3rd 2008 / Pontica XLII. Suppl. I.
- Karjaka A.V. H. 2010. Redware Pottery // The Lower City of Olbia (Sector NGS) in the 6th Century BC to the 4th Century AD / Black Sea Studies. 13. Aarhus.
- Kerschner M. 2006. Zum Beginn und den Phasen der griechischen Kolonisation am Schwarzen Meer. Die Evidenz der ostgriechischen Keramik // EA. Bd. 12.
- Lejpunskaja N.A. 2010. Louteria // The Lower City of Olbia (Sector NGS) in the 6th Century BC to the 4th Century AD / Black Sea Studies. 13. Aarhus.
- Pemberton E.G. 1989. The Sanctuary of Demeter and Kore. The Greek Pottery // Corinth. Vol. XVIII. P. I. Princeton.
- Rotroff S.I. 1997. Hellenistic Pottery: Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material // The Athenian Agora. Vol. XXIX. Princeton.
- Sparkes B. A., Talcott L. 1970. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries BC / The Athenian Agora. Vol. XII. Princeton.

A.V. Bujskikh, E.F. Redina

**Ancient settlement «Prymorsky boulevard».
Results of investigation and issues of chronology**

Our paper treats results of investigations on an ancient settlement situated in the centre of modern Odessa. A review of plain tableware, found at Prymorsky boulevard, revealed that it was produced since Late Archaic till Late Hellenistic periods, mostly in Olbia. This fact is a proof that the settlement was involved in the economic zone of Olbia since its very foundation.